



*Галина
Гончарова*

6

ВО СЛАВУ КОРОЛЯ!

Или - Старые долги, новые дороги

Средневековая история

16+

Галина Дмитриевна Гончарова
Во славу короля!
Серия «Средневековая
история», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713758

SelfPub; 2022

Аннотация

Сказки заканчиваются свадьбой? Ошибаетесь, они с нее – начинаются. Мирный договор с Вирмой, и на остров отправляются его высочество Ричард и ее высочество Анжелина. Какое решение примут боги вирман, сплетая клубки судеб в прихотливое полотно? Удастся ли им уцелеть в войне между кланами? Сватовство – и в Уэльстер за ее высочество Марией отправляется граф Иртон с семьей. А в Уэльстере неспокойно, в Уэльстере зреет бунт. Не окажется ли семейство Иртон в самом центре событий? Хотите мирной жизни, ваше сиятельство? Готовьтесь к войне.

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	15
Глава 2.	89
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Галина Гончарова

Во славу короля!

*Как зеркало своей заповедной тоски,
Свободный Человек, любить ты будешь Море,
Своей безбрежностью хмелеть в родном просторе,
Чьи бездны, как твой дух безудержный, – горьки;
Свой темный лик ловить под отсветом зыбей
Пустым объятием и сердца ропот гневный
С весельем узнавать в их злобе многозевной,
В неукротимости немолкнущих скорбей.*

Ш. Бодлер «Человек и море»

Пролог

Уэльстер. Кардин, королевский дворец.

– Ты сильно подвел меня, Харни.

Королевский кабинет как нельзя более подходил его величеству Гардвейгу, которого еще в юности прозвали Золотым Львом Уэльстера.

Что же было в королевском кабинете?

Разумеется, львиная шкура. Даже несколько – на стене, на диване, на полу перед здоровущим камином. В Уэльстере лев был только один, снимать шкуру с короля никто бы не осмелился, а потому львиные шкуры везли аж из Ханганата. Обитые коричневой с золотистыми прожилками тканью стены, такие же тяжелые портьеры, темный паркет и темного, черного дерева мебель. И на фоне этой темноты – Гардвейг.

В затканной золотом одежде, сияющий, подавляющий...

Его величество знал, как правильно встать и как сесть, чтобы произвести более грозное впечатление. А что удивительного? Раз уж комедианты на подмостках этим пользуются, почему бы королю что-то у них не позаимствовать? Так, чуть-чуть...

Но сейчас его величество не стремился подавлять и растаптывать. Сейчас голос короля звучал грустно, ему было тоскливо и плохо. Не от болезни – эта коварная змея покамест отползла, копила яд, давая передышку измученному те-

лу. Но кто изгонит демонов, терзающих душу?

Гардвейг сидел в кресле у камина и смотрел на огонь.

Старый, усталый лев, которому не нужны уже львицы, не нужен прайд, не нужен стремительный полет по пустыне – было бы тепло, кусок мяса и добрая рука, которая расчесет гриву. Рано или поздно даже самые страшные хищники стареют.

Альтрес понимал это, и искренне сочувствовал королю, но старался этого не показывать. Ни вздохом, ни взглядом. Есть вещи, которые Гард не простит даже брату.

В отличие от своего короля, шут был одет нарочито просто, кожаные штаны и жилет коричневого цвета, такие же сапоги, белая рубашка с шейным платком. Сейчас он не на работе... то есть – на своей *второй* работе.

Сейчас Альтресу не надо кривляться под личиной шута, здесь и сейчас разговаривают король – и глава его тайной службы.

– Эдоард требует мою голову?

Реверансы тут неуместны. Король и его брат всегда говорили откровенно – максимально откровенно для людей их положения.

О чем-то умалчивал Лорт, что-то оставлял без внимания Гардвейг – есть вещи, к которым лучше не прикасаться. И завоняет, и не отмоешься. Но не здесь и не сейчас.

– Нет. Нам повезло.

Альтрес перевел дух. Тоже незаметно.

Чего уж там, брата он любил больше своей жизни. И голову положил бы за него, не глядя. Но вот именно здесь и сейчас... нельзя ли получить отсрочку? Лет на пятнадцать? Ладно, хотя бы на десять!

Не потому, что Лорт боялся смерти, нет...

Он боялся, что Уэльстер рухнет после их смерти.

Какова главная ошибка множества политиков?

Элементарно. Они слишком боятся вырастить себе преемника. А то ведь как может быть – король еще не умер, а «да здравствует» уже закричали. Бывали в истории примеры. А умирать не хочется, хочется доцарствовать и уйти, но даже в природе молодой лев убивает более старого. В чем-то люди идеально копируют животных, а чем-то еще и урок жестокости им дадут. Даже самым страшным хищникам.

С Гардвейгом все было еще печальнее.

Будучи несколько раз женат, сыновей он получил только в последнем браке, с Милией Шельтской, а ведь ребенка совершенно недостаточно родить! Его надо вырастить!

Выучить, вложить ему в руки державу, короновать, и точно знать, что он – способен. Что он удержит. Что страна не захлебнется в крови и огне, когда он окажется на престоле. Гончарам легче – их ошибку разбить можно, и никто о глиняной посудине не заплачет. А тут за каждым решением человеческие жизни.

Не получится из тебя гончара – иди в плотники. В булочники... а вот с должности короля увольнение не предусмотрено.

рено. С нее уходят только на тот свет, а иногда и близких за собой тянут, заливая страну кровью. Именно поэтому Лорт готов был и покориться, и торговаться за отсрочку – не пришлось. Гардвейг рассказывал сам.

Уже спокойно, без лишних эмоций, вот попадись Лорт ему в руки в Ативерне, еще тогда, после выходов Анелии, не сносить бы братцу головы. А сейчас все уже перегорело, утряслось, успокоилось – и не стоит ломать копья. Наоборот, подумаем, как настругать новых. Вдруг да пригодятся?

– Твои люди промахнулись несколько раз, Харни. Первый раз – вы не убили этого учителяшку.

Альтрес фыркнул.

– Его и не собирались убивать. Ваше вели...

– Харни!

Рык получился вполне львиным и даже королевским.

– Прости, Гард.

Альтрес поглядел виновато. Да уж, либо брат, либо король, но здесь и сейчас – брат. И отчитывать его будут по-братски. Так, что шея заранее болеть начинает.

Но что лучше – тяжелой рукой по шее, или топором по тому же месту? Альтрес без колебаний выбирал первый вариант.

– Давай, рассказывай.

Альтрес пожал плечами.

– Я действительно знал, что Анелия спуталась с этим сопляком. И что? Убивать его не собирались, живой он был по-

лезен. Я собирался его напугать до икоты и придержать, но вмешался случай.

– И зачем тебе был нужен этот щенок?

– Ты видел ее высочество Лидию? Жуть жуткая, – по-ежился шут. – Даже на портрете ей только врагов распугивать. Я ни минуты не сомневался, кого выберет Ричард. А раз так... управляемая и покорная королева Ативерны нам была бы лишней?

Гнев Гардвейга стих, словно на волны плеснули маслом. Да еще, и снова, и опять!

А ведь и верно.

Альтрес заботился о своей стране, не о чужой. Уж как умел, так и позаботился. Анелия стала бы королевой Ативерны, рано или поздно, и смогла бы влиять на мужа. Плоха та жена, которая этого не сможет.

Анелия влияет на Ричарда, Альтрес на Анелию, и страны движутся рука об руку, как равные... одна чуть равнее, но кто там разбираться будет?

Королева должна быть вне подозрений, а потому Анелия все сделала бы, чтобы ее не разоблачили, чтобы не всплыли старые грешки, и аккуратно пугать ее, что вот-вот, и вынырнет из небытия первый муж, и брак ее окажется недействительным – отлично бы сработало.

– Вмешалась судьба, – развел руками Лорт. – Я дурак, признаю.

– Эдоард так не думает. Он сильно на тебя обижен. Очень

сильно.

– И? – насторожился Лорт. Королевская обида вполне могла обернуться отсечением головы. А уж официально, или просто за тобой убийц пошлют – не суть важно.

– Нам повезло. Нам просто повезло. Когда девчонка попыталась отравить племянника короля, и ее не поймали, и его откачать успели.

– Иртон?

– Да.

– Король любит его до безумия.

– Умри Джерисон – и Эдоард потребовал бы твою голову, а я не смог бы отказать. Но и так...

– Им нужны мои уши? – изобразил отчаяние Лорт. – Или нос?

– Язык, – огрызнулся Гардвейг. – Понял?

– Лучше смерть, – Альтрес вообще-то не позволял себе такого, но профессия шута – штука обязывающая. Так что шут в бессильном ужасе обвис в кресле и даже дрыгнул пару раз ногой.

– Ссылка, – серьезно произнес Гардвейг. – Примерно на год.

Альтрес тут же перестал паясничать.

– Год?

– Да. Съездишь... куда бы тебе хотелось?

– Домой, наверное. В поместье, – пожал плечами Лорт. – Я там уж сто лет не бывал.

– Вот. В поместье, на воды, искупаешься, отдохнешь – и с новыми силами за работу.

– Через год... что случится?

– Да ничего. Просто все забудут об этой истории. Вернешься из ссылки, и все будет, как и раньше.

Альтрес кивнул.

– Хорошо.

– Для всех я сильно прогневаюсь. В Ативерне я был не один, пошли сплетни, лучше направить их в нужное русло сейчас, пока не поздно. Ты правильно сделал, что приехал тайно, завтра приедешь при всех, я буду орать, ругаться, угрожать тебе казнить... потом поостыну и заменю казнь на ссылку.

– Ко всеобщему разочарованию, – ехидно ухмыльнулся уже не шут, а глава тайной службы.

– Переживут. А кто не сможет – тот подохнет, – припечатал Гардвейг. – В общем, завтра разыграем спектакль, и поедешь. Через год вернешься, и с новыми силами за дела.

Альтрес кивнул.

– Как прикажешь.

– Все убедятся, что договор выполнен... за это время я отправлю Марию в Лавери, она познакомится с женихом... с этой-то все нормально?

– С этой – да.

– Но ты все равно... твою ж... ладно. Я распоряжусь, чтобы повитухи проверили.

Альтрес с понимающей улыбкой развел руками.

– Мой заместитель граф Дишан. Я ему сегодня все объясню, а завтра дела передам.

– Давай-давай. И пусть организует повитух. Вторую шлюху среди невест нам не простят, сам понимаешь.

Лорт понимал.

И кстати...

– Чем Анелия травила Иртона?

– Эдоард говорил что-то про лилового убийцу.

Альтрес прикрыл глаза. Этот яд он знал. Шансов у Джерисона не было, а все же выжил граф? Почему? И нельзя ли получить рецепт противоядия... у кого, кстати, спрашивать?

– Это графиня Иртон?

– Да. Подробности я не знаю, но графиня Иртон и Тахир Джааман дин Дашшар провели всю ночь у постели больного, потом дин Дашшар вышел и сказал, что все будет в порядке с графом.

– Вот с кем бы я не отказался пообщаться, так это с графиней Иртон, – почти мечтательно протянул Альтрес.

Гардвейг кинул взгляд на брата, готовясь отчитать за неуместную игривость, но Альтрес был серьезен, как никогда. Более чем серьезен. И его величество решил чуть развить тему.

– Я разговаривал с ней.

– А я переписывался, – честно признался Альтрес. – Это очень умная женщина.

Гардвейг кивнул.

– Это – да. Что ты о ней думаешь?

– Думаю, что она достаточно умна, чтобы создавать нечто новое, но недостаточно умна, чтобы оставить свою славу мужчинам, – просто ответил Альтрес.

Гардвейг хмыкнул.

Он отлично понял, о чем идет речь. Для женщины было лишь несколько достойных ролей в этом мире.

Дочь, жена, мать, бабушка.

Умная и яркая женщина тут же привлекала к себе внимание, иногда избыточное, а под пламенем факела бабочке неудобно. Есть шансы сильно опалить крылья.

Но если это не совсем бабочка?

– Я разговаривал с ней, и неоднократно, – признался он Альтресу. – Ты не совсем прав.

Шут изобразил внимание.

– Она умна, но это не главное из ее достоинств.

Альтрес вскинул брови. Какие еще достоинства могут быть у женщины? Брат признавал только одно, но вряд ли графиня позволила пациенту, хоть и коронованному, нечто большее? Или он ошибается?

Гардвейг, словно угадав, о чем думает брат, покачал головой. Медленно, отдельно.

– Она ведет себя так... это сразу не объяснишь. Наш мир принадлежит мужчинам, и мы это знаем.

– А она? – уловил намек Альтрес.

– Лилиан Иртон ведет себя так, словно этот мир принадлежит ей.

Глава 1.

У истока.

Аtiverна, Лавери.

– С-семейная жизнь, – ворчал граф Иртон, вылезая из-под одеяла. Акробатические упражнения с утра – одеяло было прижато на совесть и со всех сторон. И ведь не выдернешь!

Лилиан открыла глаза – и улыбнулась мужу.

– Бывает?

– Гррррр, – вежливо ответил высокородный граф, да так выразительно, что Нанук поднял ухо и прислушался.

Конкурент?

Откуда?

Ага, семейная жизнь во всей ее красе.

Супружеская постель – это да, это священное место. Только никто не объяснял это собакам, хорькам и детям. И те являются к вам, когда сами того пожелают.

Ладно еще Миранда – та хоть с утра приходит, вытаскивает любимую маму из-под теплого одеяла, и тащит на тренировки. Это как-то можно пережить, тем более, что и сам Джерисон предпочитал начинать день пораньше, и воинскими упражнениями не пренебрегал.

А ночью?

Вы только-только выплатили супружеский долг очаровательной жене (да, и проценты тоже не забудьте, сколько их за это время набежало!), укладываетесь спать, обнимаете супругу... и вас злобно кусают за палец.

Здравствуй, хорек.

Спихиваешь захватчика, встаешь промыть ранку на пальце, возвращаешься, а твое место уже занято.

Здравствуй, собака.

Жена-то спит, ее этот зоопарк по умолчанию не трогает, соображают, гады! А вот графу Иртона приходится спихивать пса, выкидывать за шкирятник хорька, и устраиваться на подушке. И если повезет – заснуть в первые двадцать минут. Потом все возвращается на круги своя.

Нанук плюхается всей тушей на ноги, а тушка там здоровущая, хватит и на графа, и на графиню, и отлеживает их за ночь по полной. Еще и возмущается, когда Джерисон пытается перевернуться на другой бок. Ты чего, хозяин? Я только-только улегся!

А хорьки... если кому нравится просыпаться с хорьком на голове – вы пришли по нужному адресу.

Нет? А хорек все равно пришел. И обидно как-то... почему у Лилиан они спят рядышком, руку протяни, и погладишь, и едва не мурлыкают под пальцами женщины, а ему выкладывают на голову свой хвост и злобно шипят?

Хотя Джерисон отлично знал ответ где-то в глубине души. Конкуренция это, в самой острой форме.

Вся вредная свора отлично себя чувствовала в постели графини Иртон, задолго до появления ее супруга, и ничего не собиралась спускать наглому захватчику. Гады!

С другой стороны...

Можно не волноваться – жена точно не заведет любовника. Ни один другой мужчина не станет терпеть весь этот зверинец.

С тем Джерисон и удрал во двор.

Вирмане уже были там. Эрик разминался на чем-то вроде поперечных перекладин. Подтягивался, мышцы так и играли, вирманин заметил графа – и кивнул ему.

– Место есть!

Джес махнул рукой и присоединился.

Подтягивания, отжимания – после выяснения отношения с вирманами, они нашли общий язык. И неплохо сжились. Джерисон понял, что этих наглецов теперь никакими силами из дома не выкинешь, но – не протестовал.

Охрана хорошая, слово держат, на жену видов не имеют – чего еще надо?

Минут через пятнадцать появились Лилиан и Мири, обе в свободных брюках и рубашках, но к мужчинам не присоединились. Побежали по кругу...

Двор графского особняка был не слишком велик, но место для полноценной спортивной площадки выкроить удалось. Хватило и на снаряды, и на беговую дорожку, то есть

круг диаметром чуть больше десяти метров, вдоль забора. Лилиан и бежала, проделывая привычный еще по той жизни разминочный комплекс.

Простой бег – десять кругов, движения головой, руками, ногами, потом попрыгать, пройти гусиным шагом, поприседать, и только хорошенько разогрев все тело – на снаряды.

Пот течет, жарко, мышцы ноют...

Слуги уже давно перестали обращать внимание на графские странности. А самым любопытным разъяснили те же вирмане, показав кулак размером с тыкву. Дошло до всех.

Рядом попискивала Мири. Девочка что есть сил подражала приемной маме, и старалась не отставать. После достопамятного похищения (земля иголками барону Донтеру), училась она что есть сил. И ножи метала, и удары отрабатывала, и захваты. Не было у Лилиан уверенности, что Мири сможет убить человека... а может – зря она малышке не доверяет?

Этот ребенок – полностью продукт средневекового общества, в котором человеческая жизнь ценится невысоко. И колебаний, переживаний, а то и размышлений на тему «хорошо-плохо» у Лилиан в критической ситуации будет гораздо больше, чем у Мири.

Джерисон закончил разминаться, кивнул Эрику, и мужчины взяли оружие.

Меч против топора? Кто к чему привык, в бою равного оружия не бывает, там уж кто тебе достался, с тем и дерись, это не рыцарский турнир. И тренироваться лучше на разном

оружии.

Примерно так и выглядели сами противники.

Более гибкий и стройный Джерисон против голой мощи вирманина. Лилиан невольно залюбовалась.

Эрик ломил силой и мощью, Джерисон старался уворачиваться, не блокировать удары, а отводить их, но вирманин тоже это понимал. Так что поединок шел не сила на силу, а хитрость против хитрости. А то она не знает, на что способен Эрик! Глупцы капитанами не становятся, уж точно не у вирман.

А вот на что способен ее супруг...

Это Лиля только открывала.

И не надо говорить о ночных встречах. Если бы мужчины знали, как они раскрываются в постели, они бы точно последовали примеру турецких султанов – вызвал, полюбил, ото-слал. Утилитарное отношение к женщине. А здесь...

Джерисон не был эгоистом. Он был внимательным и чутким любовником, при этом достаточно властным, но не тираном и не извращенцем. Идеальное сочетание. Он умел прислушиваться к партнерше, но искренне считал, что должен и обязан быть первым.

Всегда.

Везде.

Он же мужчина, что тут непонятного!

Феминизм здесь даже как ругательное слово не использовали, не было тут феминизма. В принципе.

Так, а от упражнений на пресс не отвлекаемся, работаем, работаем!

Лиля повисла на перекладине и принялась поднимать ноги, не сгибая их в коленях. Вот уж что плохо получалось – так это растяжка. Мышцы просто заостенели за столько лет... хорошо хоть артрит нажить не успела, позорище было бы!

Миранде все это давалось намного проще. Детей легче приучить к спорту.

Да, Але когда-то тоже было намного легче, она с детства чем-то да занималась. Не танцы, так карате, не карате, так айкидо, не айкидо, так плавание...

Профессионалом так не станешь?

А надо ли? Стоит ли гробить свое здоровье и делать ставку только на тело? Может, еще и мозг развивать стоит иногда?

Лилиан закончила разминку, и поглядела на мужа.

Кажется, они с Эриком зашли в тупик. Вирманин не мог пробить защиту, Джерисон не находил момента для атаки. Интересно, кто устанет первым? Или не доводить дело до конфликта?

Лилиан сунула два пальца в рот и звонко свистнула.

Мужчины оглянулись.

– Мы купаться и завтракать! – звонко крикнула женщина. – Ждать не будем!

– Мам, наперегонки?

Мири кивнула на особняк.

– А, давай!

Юбка-брюки не идеал, но бегать в ней достаточно удобно. И все же Лиля аккуратно поддалась. Пусть у ребенка будет радость!

Ляля и Нанук все равно прибежали первыми, но как довольна Мири! Эй, а вот язык показывать – некрасиво! Маливка наглая!

Ванная...

Лиля привычно обтерлась над тазиком и задумалась.

Неудобно...

Полцарства за коня? На фиг мне ваша лошадь, мне бы душ! Тепленький. А если правда попробовать?

Пару минут Лилиан посмаковала идею душевой комнаты, но вынуждена была отказаться. Первое – она медик, она не физик и не механик. Она просто не знает, как наладить подачу воды наверх. А и знала бы – ледяной душ удовольствия не доставляет. Котел-то для обогрева воды она точно не соберет!

Второе. Гигиена.

Плесень даже в двадцать первом веке цветет на стенах душевых, особенно там, где убирают плохо. Здесь она появится еще быстрее.

Третье, и самое вредное. Она графиня, она сама ведра с кипятком не таскает. Пусть слуги стараются, им за это деньги платят, рабочее место обеспечивают...

Обойдемся без водопровода. Тряпочкой оботремся.

Лиля переоделась, благо могла это сделать сама, натянула бледно-голубое платье в стиле «бохо», с вышивкой по воротнику и рукавам, и подошла к зеркалу. Зеркало послушно отразило интересную блондинку с длинными волосами и очаровательной улыбкой.

Не модель, и даже рядом не стояла. Симпатичная женщина с пышными формами. Уже не безобразно толстая, но и далеко не худая. И не надо.

В это время модельные девушки вызвали бы у мужчин только одно желание. Нет, не сексуальное. Накормить! И побольше, побольше, а то какие ж дети будут от такого скелета? Ясное дело, больные!

Неслышно вошедший в комнату Джерисон подкрался и крепко поцеловал жену в плечико.

– Красавица!

Лилиан ответила ему насмешливой улыбкой.

Ту самую жемчужную сережку, которую супруг получил на маскараде, она так и хранила в шкатулке. Как-то времени не было все прояснить до конца, да и страшновато. Войну они выиграли, теперь начинался мир, а каков окажется ее супруг в мирное время?

Эдоард не вечен, а когда на троне окажется Ричард... Джерисон – его ближайший друг. Кого поддержит король в случае конфликта? Лилиан и так знала ответ.

Страшновато. До сих пор Лиле было страшно за свое будущее. И ведь не сбежишь никуда, не скроешься – куда она

от Миранды? А теперь еще от Романа и Джейкоба? Не бросишь ведь, никого не бросишь. Мы в ответе за тех, кого приручили. Приручили. Прикормили, в конце концов!

– Вы тоже очаровательны, дорогой супруг.

– Подождете меня, госпожа графиня? – легко принял игру Джерисон. – Я с удовольствием составлю вам компанию за завтраком.

– Ни за что! – торжественно объявила Лилиан. – Явлюсь в столовую первой – и в одно лицо скушаю всю овсянку! Вам не оставлю!

– О горе мне! – Джерисон поспешно обтирался над тазиком. Привычка жены к чистоте его не раздражала. Могло бы и хуже быть... и вообще, когда женщина всегда чистенькая и свеженькая, это стимулирует на подвиги. Например, на отдачу супружеского долга. – Чем же я буду кормить своего боевого коня, госпожа графиня?

– Судя по виду этого чудовища – сырым мясом, – фыркнула Лилиан.

Джерисон расплылся в польщенной улыбке.

Его конь, хоть и уступал аварцу, но впечатление все равно производил. Этакая здоровущая черная зверюга, копыта аж с суповую тарелку...

Один раз наступит – считай, полноги нет. И зубы, как у гиппопотама, только клыков не хватает.

– Уговорили, госпожа графиня. Овес вам – мясо мне!

Так беззлобно перешучиваясь, супруги и спустились в

столовую, чтобы замереть на пороге – и от души расхохотаться.

Овсянку как есть, в большущей миске, придвинула себе Миранда и упоенно копалась в ней ложкой. А чего накладывать в тарелку, если и так неплохо?

Мясо честно поделили между собой собаки и хорьки. Супругам Иртон никто ничего оставлять не собирался. Опоздавшим – кости!

Обычно за столом графа Иртон собиралось куда как больше народа. Но сегодня выдался непривычно тихий день. Эрик еще не закончил тренировку, Лейф и Ингрид были в Тарале, который все больше превращался в вирманскую вотчину, Тахир и Джейми заночевали во дворце – его величество был сложным пациентом, так что за столом оказалась только семья графов Иртон. В кои-то веки.

Нашлись на кухне и овсянка, и жареное мясо, и сыр, и ветчина, и вареные в вине яйца, и много чего другого, так что промедление не стало фатальным.

Джерисон отправил в рот кусок мяса и поглядел на супругу.

– Какие планы на сегодня, ваше сиятельство?

– Тараль, ваше сиятельство. И только Тараль... а у вас?

– А я поеду на верфи, пообщаюсь с Августом. Не хотите присоединиться?

Лиля задумалась.

А может, и правда? Свитьнуть ненадолго в сторону, а потом вернуться на маршрут?

Но пока она размышляла, судьба все решила за госпожу графиню. Как и всегда – по своему разумению.

– Письмо от его величества!

Гонец был молодым, растрепанным и очень боялся собак. Однозначно. Или только вирманских собак? Ляля и Нанук приводили его просто в шоковое состояние и заставляли держаться на почтительном расстоянии. Причем, мохнатые паршивцы все отлично видели и понимали. Лиля поклясться была готова, что барбосы нагло скалились. Ухмылялись. Собаки страшные!

Джерисон принял свиток и небрежно сломал печать. Лириан молчала, не спрашивая ни о чем. Сам расскажет. Но Миранда подобной тактичностью не отличалась.

– Папа? Что-то случилось?

Джерисон отвел взгляд от письма и улыбнулся, мол, ничего страшного. Рабочий момент.

– Мири, солнышко, поедешь со мной?

– Куда, пап?

– В гости. К Анжелине и Джолиэтт.

– ДА!!!

Миранда аж подскочила на стуле. К принцессам в гости она хотела, и еще как. Сдружились, малявки. Хотя принцессы, конечно, старше. Анжелине почти семнадцать, Джоли-

этт помладше. Поздние дети, любимые и балованные. Хотя это по чьим меркам поздние – подумаешь, рожала ее величество, когда ей уже за тридцать было. Кто и в сорок с хвостиком рождает...

Лиля развела руками.

– Значит, в Тараль я одна. Меня не приглашают?

Джерисон покачал головой.

– Пока одного меня, а там видно будет. Простите, дорогая супруга, служба.

Лиля махнула рукой.

– Все в порядке, дорогой супруг. Служба – это святое.

Джерисон подозрительно покосился на супругу, поймал лукавый огонек в зеленых глазах, понял, что Лиля не обиделась – и улыбнулся в ответ.

Иногда его ставили в тупик и манеры жены, и ее слишком вольное подшучивание, но... ничего менять он уже не хотел.

– Вирмане с тобой поедут?

– Да.

– Вот и отлично.

Мало ли что. Мало ли кто. А вирмане – это надежно, кто не верит – может в подробностях изучить топор Эрика и убедиться. Вот, кстати, легок на помине.

Эрик вошел в столовую быстрым шагом.

Мокрая грива золотых волос, липнувшая к телу рубашка – явно облился у колодца. Джерисон покосился на жену, не мелькнет ли в ее глазах чисто женский интерес, этакая

непроизвольная реакция на красивого и сильного самца, но Лилиан даже не смотрела на Эрика. Они о чем-то шептались с Мири.

Вот подняла голову, увидела вирманина и улыбнулась. Не призывно. Просто – как другу. И Джерисон незаметно даже для себя, перевел дух. Все же неуверенность оставалась.

Одно дело – домашняя курица, та точно не улетит. Другое – экзотическая птица из дальних стран. Как ни подрезай крылья, не удержишь. И...

Сложно у них пока было.

Лилиан не клялась в любви, не вешалась супругу на шею, не демонстрировала своей слабости и беспомощности – и решительно выпадала из круга привычных Джерисону дам. Те всячески намекали, что не смогут жить без дорогого графа. А его родная супруга...

Эта и без десятка графов проживет, Джес и не сомневался.

Непривычное ощущение, когда к тебе приглядываются. Опасаются, размышляют, стоишь ли ты доверия... ничего! Лошадей он тоже приручал, и жену приручит! Рано или поздно!

– Эрик, мне сегодня надо съездить в Тараль.

– Сейчас, позавтракаю, ваше сиятельство, и сразу в путь.

Вирманин тоже предпочел мясо и налег на колбаски. Потом отломил ломоть хлеба, окунул его в мед...

Лилиан смотрела на это смеющимися глазами. Есть что-то

умилительное в мужчине под два метра ростом, жутко брутальном, в шрамах и с могучими мышцами, который слизывает с пальца мед и чуть ли не мурчит от удовольствия.

Сладкоежка!

Джерисон почувствовал укол ревности, но тут же запинал ее поглубже. И демонстративно поцеловал жену – на этот раз в шейку.

– Дорогая, удачного дня.

– И вам того же, господин граф.

Улыбка, прощальный взмах рукой, и вот уже здоровущая черная зверюга уносит Джерисона и удобно устроившуюся перед ним Мири во дворец, а Ляля бежит рядом с конем.

На душе у Джерисона было подозрительно хорошо и спокойно. Видимо, ненадолго...

Предчувствия графа не обманули.

И Эдоард, и Рик ждали его в кабинете.

– Приветствую, – помахал рукой благородный граф, улыбаясь во все зубы.

– И тебе привет, племянничек.

Рик тоже улыбнулся, но как-то вяло. Джерисон поднял брови.

– Я в чем-то виноват, дядя Эд?

– Не ты, – вздохнул Эдоард. – Не ты. Но... ознакомься, что ли?

Брошенное Риком письмо Джес поймал на лету, развер-

нул и вчитался.

Выругался. Подумал – и еще добавил.

– Дядя Эд, ну это уж... Твою ж...

– Язык придержи? О короле говоришь, – цыкнул дядюшка. Вышло неубедительно.

И было, было отчего злиться и ругаться благородному графу. Письмо было от Гардвейга.

Его величество выражал свои дружеские чувства к Ативерне, всячески раскланивался, сообщал, что принцесса Мария в любой момент готова выехать в Ативерну, но... не лучше ли, если за ней приедет жених? Или его представитель?

Чтобы исключить любые случайности и ассоциации у кого не надо?

Гардвейг, конечно, готов на любые жертвы, и дочь лично в карету запихнет, но... не хотелось бы терять лицо. И если любезнейший брат пойдет ему навстречу, то его величество король Уэльстера будет весьма признателен и очень обязан.

Брат во Ативерне был откровенно недоволен. Но!

О, это страшное слово всего из двух букв.

«Но!»

И меняются планы, и рушатся горы, и поворачивают свое течение реки. Очень могущественное заклинание, куда там бедолажным шильдам.

– Дядя?

– Ричарда я отпустить не могу, – честно признался Эдоард. – Сам дороги не выдержу. Еще кандидатуры есть?

– Дядя!

Джес возмущался, но не всерьез. Все взрослые люди, все всё понимают, чего уж там. Политика – дело такое, ритуальное. Нравится вам, не нравится, но любое движение каждого политика обставляется бесконечным множеством условий.

Кто как поклонился, как посмотрел, даже как о погоде побеседовал. Надо учитывать все интересы, надо уметь кланяться во все стороны, но при этом следить, чтобы не прогнуться слишком низко...

Искусство?

Да, и это – тоже.

Гардвейга можно было понять, ситуация сложная.

Ричард выбрал его дочь после личного знакомства, предпочел ее Лидии Ивернейской, и это вызвало определенное напряжение в отношениях с Бернардом. Потом...

А что – потом?

Мало кто знает. И про бегство, и про отравление, и про интриги. Для всех Анелия Уэльстерская куда-то пропала (куда именно – определяет богатство фантазии сплетника), ее отец вернулся на родину, а Ричард женится на младшей сестре Анелии.

И что думать людям?

И как странам сберечь лицо?

Идея была проста. До конца сохранить хорошую мину при плохой игре королям не удастся, это так, но...

Гардвейг объявил, что Анелия решила послужить богу. Вот так, неожиданно, у нее прорезалось благочестие, и она отправилась в монастырь, молиться и каяться.

В чем? А ваше какое дело?

В какой монастырь? Сейчас узнаете, определим вас в соседнюю келью.

Не надо?

А чего тогда интересуетесь? Конкретнее надо, конкретнее...

Разумеется, Ричард был оскорблен, и его величество предложил ему взамен свою дочь Марию. Его высочество согласился, но поставил условием воспитание Марии при дворе в Лавери. Мало ли? Вдруг и у этой благочестие прорежется?

Это – официальная версия.

Но теперь, для сохранения хороших отношений, надо бы пошевелиться и Ативерне. К примеру, отправить за невестой посольство, показывая, что отношения между Ативерной и Уэльстером теплые и дружеские, как и раньше. Никто не ссорился, проблем не было, все улыбаются и машут лапками.

А кого послать?

Раньше разговоров не было бы – можно отправить герцога Фалиона. Но после бунта его разве что альдоной куда-то отправит, подняв из могилы – нашел время, гад!

И кого посылать?

Да по всему выходит, что графа Иртона. Это для обще-

ственности. И для Гардвейга. Своеобразное «я не обиделся, никто не обиделся, претензий нет, проблем нет». Все прощено и все забыто.

Джерисон обошелся бы одним письмом, можно очень проникновенным и искренним, но когда это и у кого был выбор? В политике? В высшем свете? Да никогда! Хочешь быть свободным – твоё место в глуши, в тиши и спокойствии, где-нибудь в Ирландии, но не при дворе.

К чести Джерисона, он отпихивался, как кот, которого тащат купаться – всеми четырьмя лапами и даже хвостом.

– Дядя, ну я только что начал отношения в семье налаживать! А ты мне предлагаешь опять уехать?

Эдоард вздохнул.

Да, это было одной из множества сложностей. До столицы Уэльстера месяц пути, при самых лучших раскладах, пока ещё там, пока оттуда...

А у мальчика только что-то начало складываться. Эдоард вспомнил все недопонимания, которые пришлось разрешать ему, своей королевской волей, и вздохнул.

– Джес, мне некого больше просить. Просто некого.

Джерисон понурился. Рик кашлянул.

– Может, выход найдется? Если Джерисон захочет поехать – с семьей?

Эдоард вскинул брови, и стало ясно, что Рик раньше таких предположений не высказывал.

– Ты с ума сошел? Отдавать такое сокровище, как графич-

ня Иртон в чужие руки?

– С чего это – отдавать? – искренне оскорбился Рик. – Джес, ты же не допустишь, чтобы у тебя жену украли?

Джерисон фыркнул. Как семейный человек, он уже начал осознавать некоторые тонкости.

– А Лилиан согласится? Вы, дядя, с альдоном от ее дня и кусочка не оставили, она, бедная, с мастерами больше времени проводит, чем с мужем.

Эдоард и не подумал опустить глаза. А что поделать? Надо!

Графиня Иртон знает, ЧТО, а мастера соображают КАК. И без нее пока что обойтись сложно.

– Сам понимаешь, государственные дела.

– Я уж молчу про торговый дом Мариэль, – упоенно продолжил жаловаться Джерисон. Не всерьез, но с чувством. – Скоро жену ревновать начну к этой проклятой стройке, столько времени она там проводит! И внимания уделяет больше, чем родному мужу!

Дом строился ударными темпами, но пригляд за строителями нужен был. Неважно, какой век на дворе, это судьба такая. Если не украдут, то точно схалтурят. Вот Лилиан и ездила на стройку. Для пушей убедительности – в сопровождении вирман. А у них с собой всегда были убедительное телосложение, кулаки и топоры.

– Вот и будет вам романтическое путешествие, – прищурился Рик.

– Ага, в теплой дружеской компании.

– Я позабочусь, чтобы твоих любовниц в посольстве на этот раз не оказалось, – припечатал Рик.

Джес скорчил его высочеству рожу.

– Вот спасибо, разодолжили.

– Может, и ребенка привезете из Уэльстера. – намекнул его величество.

Джерисон пожал плечами.

Они с Лилиан думали, что женщина беременна – после того покушения. Оказалась – ложная тревога. Тут любой и плохо станет, и затошнит, и вообще, женский организм – система сложная. Понервничала – гормоны пошли строем – сбой начался – а значит, нервы разгулялись еще сильнее. И по замкнутому кругу.

Нервы – сбой, нервы – сбой.

Но это-то и к лучшему.

Мало ли что могло остаться в крови после яда? Лучше уж подождать, перестраховаться. Сейчас Джерисон чувствовал себя хорошо, сердце сбоев не давало, но дня без обследований не проходило. Не супруга, так Джейми, не Джейми, так Тахир.

Посмотреть зрачки, посчитать пульс, сердечный ритм, дыхание...

И диету соблюдать приходилось. Граф хоть и смеялся по поводу овсянки, но месяц жил на кашках, как миленький. Умирать не хотелось, в неполные тридцать лет.

– Может, и привезем. Мири братика просит, или сестренку.

– Дочь с собой возьмешь? – деловито поинтересовался его величество.

– Мири меня не отпустит, – вздохнул Джес. – У нее до сих пор кошмары...

Это верно. Джерисон не гонял животных из спальни и не ругался, когда Лилиан оставляла открытой дверь между комнатами, а Миранда прибегала под утро не просто так...

Лилиан не стала спорить, когда Джерисон попросил выставить собак из спальни. Пожала плечами и распорядилась отправить зверюг к вирманам.

Ляля и Нанук одарили Джеса весьма неприязненными взглядами, но подчинились. Джес провел отличный вечер, и часть ночи, потом они ненадолго уснули, а потом...

– Папа!!! Папа, папочка, не умирай!!!

Крик был таким отчаянным, что у Джерисона защемило сердце.

– Не надо!!! Пожалуйста!!!

В комнату к Миранде они с Лилиан влетели двумя ураганами...

Девочка металась по кровати, из зажмуренных глазенок текли слезы. Ручки были крепко сжаты в кулачки, все тело напряглось струной.

– Папа, нет!!! Не оставляй меня!!!

То ли крик, то ли стон...

Джес на миг растерялся. Не приходилось ему вырывать ребенка из кошмаров, он вообще плохо представлял, что делают с детьми, вот и не сообразил сразу.

Лиля упала на кровать рядом с девочкой, схватила ее за плечи, встряхнула...

– Мири!!! МИРАНДА!!! Очнись!

Новый стон.

Девочка уже услышала, но пока еще находилась во власти кошмара. Но тут уж Джес начал действовать. Схватил кувшин с компотом, который ставили на ночь Миранде, и выплеснул все на дочку. Попало и на Лилиан, но жена не возражала. Она крепко прижимала к себе девочку.

Дочка открыла синие глаза и тут же наткнулась взглядом на Джеса.

– Папа...

Джес плюнул на мокрую простыню, и сгреб в охапку обеих своих женщин.

– Я тут, малышка. Я живой, все в порядке...

– Мама...

– Все хорошо, Мири. Все хорошо...

Лиля ласково гладила девочку по волосам, малышка постепенно переставала истерически рыдать, и Джерисон мысленно выдохнул. Все же, его жена стала матерью для его дочери. И это замечательно.

– Мне приснилось, что папа умер... – Мири откровен-

но хлопала носом. — Мам, представляешь, тогда, когда его отравили, а ты не смогла его спасти...

— Но я же смогла, — Лилиан улыбнулась дочери. — Папа жив, мы все вместе, мы семья...

— И было так одиноко, и холодно, и никого рядом не было...

— Мы рядом, маленькая. И мы никуда не денемся. Обещаю тебе.

— Денемся, — припечатал Джес, вытаскивая из кровати Миранду. Лиля вышла сама. — В нашу кровать, а то здесь все в компоте. И ты в компоте, поросенок. Тебя бы переодеть...

Пока обтирались от компота, пока переодевались, потом устроились все вместе...

Миранда засопела почти сразу. Джес посмотрел на Лилиан.

— Что это?

— Кошмар. Так бывает у детей, повод-то есть.

Да уж. Сам и обеспечил, болван! Но рвать волосы было поздно, и ни к чему.

— И что теперь делать?

Если бы Лилиан отнеслась к этому легкомысленно, начала шутить или фыркать, Джес точно обиделся бы. Но его супруга серьезно задумалась.

— Сложно сказать. У меня никогда кошмаров не было. Кто б сомневался.

Лилиан обиженно насупилась, словно прочитала его мысли, и Джес устыдился. Но извиняться не стал, он же не вслух, а так – подумал!

– У моей подруги были.

– И... что можно сделать?

– Ну для начала легонькое успокоительное. Настойку валерьянового корня попробуем...

– А это не вредно?

– Я же ее не пить предлагаю!

Джес поднял брови.

– А что тогда?

– Нюхать на ночь. Вот, кстати, надо заказать Амиру элементарную ароматическую лампу, – кивнула своим мыслям Лилиан. – Пусть придет для невесты. А еще... придется нам потерпеть собак в спальне. И хорьков тоже...

– Издеваетесь, дорогая супруга?

– Да ничуть. Моя знакомая так и поступила, правда, собачка у нее была раз в двадцать поменьше, но Миранда свою Лялю ни на кого не променяет.

Джес застонал.

– И Нанук?

– Пусть спят у Миранды. Когда рядом кто-то большой, теплый, кто-то дышит... можем ее к нам брать, конечно...

Этот вариант не понравился Джерисону еще больше, чем предыдущий.

– Стоит попробовать.

Что уж там действовало, собаки или валерьянка, неизвестно, но приступы у Миранды не повторялись. А если что-то плохое и снилось, она вставала среди ночи и заглядывала в родительскую спальню. Джес пару раз ее видел, стоящую в дверях. Мири убеждалась, что мама с папой живы, что они рядом, и успокаивалась. Уходила к себе спать.

Ляля, кстати, спала только на кровати. И в длину эта скотина уже была как бы не больше своей хозяйки. И ведь не выгонишь...

Объяснять все это Эдоарду и Рикку Джерисон не стал. Но и дочь одну не оставишь.

– Мири поедет со мной... м-да. Путешествие.

– Вирмане твою супругу отпускают? – с чисто научным интересом уточнил Рик.

Джес только плюнул.

Ага, отпускают!

Значит, сам Джерисон, его супруга, дочь, прислуга, охрана, обязательно вирмане...

– А не проще Уэльстеру войну объявить?

Джес откровенно шутил, и Эдоард ответил ему еще более грустным вздохом.

– Я думал и об этом. Но на войну тебя точно не отпускают одного.

Ну, дядя!!!

И ведь даже толком не поругаешься, король, как-никак.

Оставалось только развести руками.

– Ваше величество, прошу, ознакомьте меня с составом посольства, и позвольте поинтересоваться датой отъезда?

– Первое – к Ричарду. Второе – через десять дней, – проинформировал Эдоард. – Ты счастлив?

– Безумно, – с чувством высказался Джес.

– Тогда я тебя сейчас еще больше обрадую. Новость твоей супруге кто сообщать будет?

Джерисон «обрадовался». Однозначно.

Представил, как сегодня вечером скажет безумно уставшей за день жене: «дорогая, мы через десять дней едем в Уэльстер», и попробовал представить, что скажет она.

Не получилось.

Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон оставалась, как и прежде, существом абсолютно непредсказуемым. И храбрый воин решил провести тактическое отступление.

– Дядя, неужели у вас никого нет... достаточно провинившегося?

Эдоард фыркнул.

– Настолько – нет. Ладно, попрошу Ганца Тримейна объяснить твоей супруге про государственную необходимость.

– Зачем? – удивился Джес.

– У него шансов уцелеть больше, – честно ответил его величество.

– А сами? – заинтересовался Джес на правах племянника.

– А я еще не полный дурак – со своим докторусом ссо-

риться. Пропишет клизмы – и сиди потом на троне как хочешь. Хоть боком, хоть как.

Угроза была серьезной, и сзади что-то неприятно засвербело. Даже у Джерисона.

М-да...

Будь ты хоть король, хоть кто, а перед лекарями все равны. И перед клизмами – тоже. Там – короны не носят.

А вот об этом разговоре Джерисон, граф Иртон, так никогда и не узнал. И правильно, свое самомнение – оно ближе к телу.

А началось все с Алисии Уикской.

К невестке она прониклась самыми нежными чувствами, плюс еще к Августу Брокленду, при дворе влияние имела, уши на макушке держала...

Как известно, одна женщина за чашкой чая разнюхает столько, сколько десятков шпионов за год не нашпионят. Главное – правильная женщина и правильное общество.

И к кому прийти с этими сведениями – тоже.

Его величество принял «старую гадюку» без промедления, и был «вознагражден» заявлением.

– Ваше величество, у нас проблемы.

Эдоард только вздохнул.

– Располагайтесь, Алисия, рассказывайте...

Дама устроилась в удобном кресле, улыбнулась королю... да, нарушение всех норм этикета, но никто не увидит – это

раз. И сколько лет уж они знакомы, сколько грехов вместе закрыли? Можно себе вольности позволить, если осторожно. Это два.

Его величество налил даме вина, себе травяного отвара, и стал ждать рассказа. И история воспоследствовала.

Проблема намечалась в семье Иртонов. И было у нее два корня – Джерисон да Лилиан.

Сначала Джерисон.

Вот представьте – до отъезда он поливал жену на всех углах, а вернулся и влюбился. До отъезда он огуливал всех желающих дам, не пропуская никого, а сейчас чуть не монахом живет. А дамы-то недовольны.

И ползет, ползет змеиный шепоток. Пересказывать?

Суть в том, что его величество цыкнул на графа, вот тот и присмирел. Но втихорца-то он еще о-го-го. Только тссс...

Или вариант не лучше – граф стал подкаблучником по приказу короля. И его величество чуть ли не лично графа за это самое в спальню отводит. Каково?

Это еще самые корректные версии.

С Лилиан и того хуже.

Она – слишком.

Красивая, умная, независимая, в глаза ей улыбаться будут, а вот за спиной обшипели уже всю. По принципу – не бывает столько талантов у одного человека. Не от Мальдонаи ли сие?

Альдон Роман?

Да хоть и освятите ее сиятельство на виду у всего двора – не поможет. Ложки найдутся, осадок останется.

Его величество только вздохнул. Но ведь и верно...

Есть и еще одно «но». Жирное такое, серьезное...

Лилиан и Джерисон только-только начинают притираться друг к другу. Только нащупали какие-то дорожки, только наводят мосты. Надолго ли их хватит в атмосфере всеобщего остракизма?

Оба самолюбивы, горды, вспыльчивы, да, и с прощением у обоих сложно. Джерисон пока благодарен за спасение жизни, Лилиан готова многое стерпеть ради дочери, плюс приказ короля, но ведь этого мало! Слишком мало.

Что тут можно сделать?

Этим вопросом задался и его величество. И получил простой ответ – усладить ненадолго семейку Иртон от двора, а за то время привести в порядок слухи и сплетни. Она же лично и постарается.

Тут-то и пришлось кстати письмо Гардвейга. Тут-то и легло королю на душу.

А вот кого еще послать...

Умаления королевской чести в том, что главой посольства станет племянник его величества – нет ни капли. Наоборот – все правильно, хоть и дальше, а родство королевской семье. А вот кого еще послать?

Алисия задумалась.

– Ройвелей, – наконец предложила она.

Эдоард подумал.

Графа Ройвель он одобрял. Мужчина в годах, солидный, серьезный, то, что надо. Главное, поперек Джерисона не полезет, женой надежно выдрессирован.

– Ройвель. Хорошо.

– Ваше величество, Ройвелей. Обоих.

Эдоард прищурился.

– Ее высочеству Марии, конечно, фрейлины нужны. И графиня Ройвель их хорошо в подчинении сдержит, но... обоих?

– Да, ваше величество. У Эрмины столько яда с языка капает – хоть ссезивай, да лекарям продавай. Пусть она поездит, посмотрит на Лилиан Иртон поближе... и мне мешать не будет.

Его величество хмыкнул.

Эрмина Ройвель упорно соревновалась с Алисией за звание «гадюки двора». Побеждала пока Алисия, но графиня... если Алисия скажет – черное, так Эрмина из принципа будет говорить – белое.

Надо, надо ее удалить. Почему бы и не так?

– Пожалуй. И надо еще кого-то, чтобы не вовсе уж пусто. Четырех девчушек-фрейлин я прикажу подобрать....

– Присциллу бы. Графиню Элонт, ваше величество.

– А ее почему?

– Добрая, мягкая...

– Ваша противоположность, Алисия? – не смог не подшу-

тить Эдоард.

Графиня сверкнула глазами, но потом улыбнулась и отпила вина из бокала.

– Что и требуется для молодых девушек. С одной стороны меда, с другой яда... да и дочка у Присциллы как раз по возрасту подойдет?

Его величество подумал – и одобрил.

А почему нет?

Граф Иртон во главе посольства, с ним графы Ройвель и Элонт, все при женах, солидно, с уважением, четверо молодых людей, это Джерисон подберет в гвардии, кого представительнее, ну и девушек...

При дворе их хватает.

Третьи дочери, шестые внуки, приданого мало, перспектив тоже, а замуж хочется. Вот и ловят рыбку.

Надо, конечно, подумать, кого именно поставить к будущей королеве, чтобы не навредили, но это они еще посоветуются. А посольство и основной состав – утверждаем.

Лилиан об этом разговоре тоже никогда не узнала. Оно и правильно, многие знания ко многим горестям.

Ее сиятельство в данный момент находилась в замке Тараль. Они с девушками обсуждали кружево ффриволите. Коклюшки – это хорошо, но почему бы и новенькое не попробовать?

Тем более, что коклюшки уже и вирманки освоили, надо

бы и что-то для себя оставить?

Коклюшечное кружево более тонкое, нежное, прозрачное. А вот фриволите...

И надо-то челночок, который можно своими руками за минуту сделать и толстенную иголку. Которую за несколько минут отковал кузнец.

А сделать можно многое, в том числе украшения. Попросить стеклодувов наделать бусин, можно крупных, можно даже деревянных, и – вперед.

Под руками Лилиан уверенно появлялся браслет.

Девушки внимали.

Марсия, Лидия и Ирэна, ее команда еще с давнего времени, смотрели, приоткрыв рот. Лиля творила.

– А что еще так можно сделать, ваше сиятельство? – Марсия почувствовала перспективы.

– Что угодно. И достаточно быстро.

– Это ж можно целую моду ввести – на украшения из кружева...

Лилиан кивнула.

Можно. И нужно.

Ирэна вдруг вздохнула.

– Да-а... мы-то стараемся, делаем, а потом как напялит какая-нибудь туша эти украшения, смотреть страшно!

– Все хотят быть красивыми, – отмахнулась Лилиан. – Просто не у всех это получается.

И застыла, глядя в окно.

А ведь и верно. Не у всех. И что тогда делать?

Да помочь человеку! Вот в Ханганате женщины в гаремах за собой следят, хоть и своеобразно, чернят брови, подводят глаза, а в Ативерне – что?

А что служанки слепили, то и будет. Только вкуса у тех служанок, что у курятника. Золота налепить, каменьев навешать, и попышнее, и поярче. И вперед, госпожа, на бал!

А что лошади падают?

Это они вашей красотой поражены. Однозначно.

А если...

На что ни одна женщина не пожалеет денег? Да на свою красоту!

Салон красоты плюс СПА-салон! А под это дело и бани – для здоровья кожи, и массаж, и маникюр-педикюр, и стилист – визажист – парикмахер, это же просто золотое дно! Но всему свое время.

Сначала модный дом Мариэль, потом уже и салон красоты.

Девушки почтительно молчали. Они уже знали, что графиня выдумывает нечто... тут главное – не сбить с мысли. Потом сама поделится.

Интересно, что на этот раз будет?

– Ваше сиятельство!

– Лейф!

Лилиан сверкнула глазами. Кто-кто, но Лейф Эриксон

Эрквиг давно заслужил право называть ее по имени. И все же на людях он строго придерживался субординации, что время от времени приводило к горячим спорам.

Но не сейчас. Нет, не сейчас.

Лейф выглядел искренне встревоженным, и Лилия прониклась его настроением. Так один электрон передает другому электрический заряд – мгновенно.

– Что случилось?

– Вы можете уделить нам несколько минут, ваше сиятельство?

Лилиан кивнула, и молча последовала за другом.

Надо отдать Лейфу должное, они с Ингрид отлично устроились в Тарале. Покои из четырех комнат, соединенные между собой, Ингрид превратила в нечто уютное, найдя золотую середину между сдержанностью вирман – и роскошью Ативерны.

Темное полированное дерево мебели – и пушистые толстые ковры.

Светлые стены, которые вирмане предпочитали белить, а не обтягивать тканью, и уютные портьеры цвета кофе с молоком. Удобные кресла – и целая коллекция оружия на стене. Лилиан готова была прозакладывать косу против медной монетки, что все оно острое, боевое, и в любой момент может быть пущено в ход.

Ингрид сидела в кресле, и плела то же самое кружево. Коклюшки – они и беременным не противопоказаны. При виде

графини вирманка сделала попытку встать, но Лилиан вытянула вперед руку.

– Нет-нет, сиди! Как ты? Как дела?

Ингрид не стала настаивать. И искренне улыбнулась графине. Да, кто бы знал тогда, в порту, что эта женщина станет не просто «тихой гаванью», временно переждать ураган, но и подругой, защитницей, фактически даст им новый дом?

– Сложно...

– Да, Лейф намекнул. Так что случилось?

Вот в этом и Лилиан Иртон, и вирмане были абсолютно едины. К Мальдонаде все церемонии! Время – бесценно, и глупо тратить его на никому не нужные красоты! Плетеное кружево хорошо в одежде, а словесные кружева – в песнях и балладах, но уж никак не в разговоре между друзьями!

Это не отменяло дипломатии и вежливости, но в своем кругу вирмане старались говорить максимально четко и понятно.

– Лиля, ты знаешь, что Лейф – Эрквиг, а я – Торсвег?

– Да, я догадывалась, – огрызнулась Лилиан. – И знаю, что вы уехали с острова из-за непонимания между двумя семьями. И?

– На Вирме правит Круг, – просто сказал Лейф.

Лилиан помотала головой, не желая разбираться в хитро-сплетениях вирманской логики.

– Лейф, сэкономь наше время. Представь, что я ничего не знаю ни о Вирме, ни о вирманах, и ты сейчас мне все расска-

зываете в первый раз? Ладно?

Лейф задумчиво погладил пальцем шрамы на лице – давняя привычка.

– Мы, вирмане, выше всего ставим семью. Клан, если хочешь. И в нем готовы на все, ради своих родичей. Мы – клан Эрквиг. Клан Ингрид – Торсвеги, давно враждовал с нами, кстати, из-за похожей истории. Тогда девушка тоже предпочла нашего предка. Торсвег решил украсть ее во время свадебного пира, но девица оказалась не робкого десятка. Смогла сбежать, и мой предок, Ройс Эрквиг, бросил вызов Торсвегу. И победил. С тех пор...

– Вы нежно дружите.

– А сейчас старая история повторилась. Милостью Флейны, богини любви, мы с Ингрид нашли друг друга.

И глядя, какими глазами смотрит на своего мужа Ингрид, Лиля не могла не согласиться. Именно милостью – и именно богини любви. Повезло им.

– Вирмой управляет – Круг.

– Круг?

– Двенадцать старейших и сильнейших кланов Вирмы. Я не стану сейчас их перечислять, но туда не входим ни мы, ни Торсвеги.

– А Эрик? Его клан? – не удержалась Лиля.

– Входит. Сам Эрик, правда, слишком непоседлив, но его троюродный дядя крепко держит своих людей.

Троюродный дядя. По меркам вирман – близкое родство.

Очень близкое.

– Итак?

– Я убил отца Ингрид и двоих ее братьев. И увез жену с острова.

Лилиан кивнула. Эту часть истории она знала. Да, куда уж там Шекспиру с его Ромео и Джульеттой. Там всего лишь одного брата прибили, ну и так, пару друзей, по мелочи. А тут – человек сорок погибло, и где кинжалы с ядами?

Никаких отравлений – утоплений – переживаний. Хотя это вирмане, а не солнечная Италия. Другой климат, другие времена, и характеры совсем другие. Эти – скорее половину враждующего клана перережут, чем сами перетравятся.

Не зная о трагедии Шекспира, Лейф продолжал свой рассказ.

– Дядя Ингрид, Эльг Торсвег, принял главенство над кланом, и потребовал мести.

– Потребовал?

Вот уж это совершенно не вязалось с представлением Лилиан о вирманах. Сначала прибить, потом извиниться – да. Но *потребовать*?

У кого?

Еще про адвокатов скажите?

Лейф понял, что окончательно запутал графиню, и пустился в более подробные разъяснения.

– На Вирме мы тесно связаны родством, в том числе и между кланами. Поэтому любая междоусобица запрещена.

Если мой корабль настигнут в море, его могут утопить, но мою семью на острове не тронут.

– Или?

– Любой клан может оказаться в такой ситуации. Круг карает жестоко за пролитую родную кровь. И виновные отвечают кровью. В старые времена так было, но Круг принял решение – и провинившийся клан вырезали. Подчистую.

– Даже детей? – ужаснулась Лилиан.

– Тех, кто помнил родителей. Малышню все-таки раздали в другие кланы. Лет до трех, примерно так... не звери ж мы. Лилия покачала головой.

Ей этого было не понять. Страшно, жутко, бесчеловечно, но какая жизнь – такие и правила. И это решение могло спасти сотни других детей. Брат не должен идти на брата, а клан – на клан. Вирмане этого добились.

– Но ты поднял руку на Торсвегов, еще там, на Вирме. Я правильно помню? Когда шли поджигать твой корабль...

– И потому либо я, либо мой клан должны ответить перед Кругом.

Лилиан прикусила ноготь. Вот ведь...

– Чем это может закончиться?

– Моей смертью.

Лейф говорил абсолютно спокойно, даже чуть равнодушно, а на продубленном всеми ветрами лице не отражалось никаких чувств. Кто-то другой мог бы и обмануться.

Ингрид прикусила губу. Да, это не Джульетта. Эта бы

ткнула нелюбимого жениха кинжалом и удрала, но уж точно не стала бы травиться.

– Что требуется от меня в самом худшем случае?

– Позаботиться об Ингрид и моем ребенке, – просто ответил Лейф.

Лилиан поглядела ему в глаза. Прямо, честно, спокойно.

– Мое слово.

Вирманин перевел дух. Он и так доверял графине, но с подтверждением – надежнее.

– Что надо сделать? Что я могу сделать, чтобы вытащить тебя из этой ситуации?

Такого вопроса Лейф не ожидал, хотя и зря. Лилиан своих друзей бросать не собиралась.

– Что?

– Деньги, знания, помощь? Что именно? Ты лучше знаешь вирман, тебе и карты в руки! Думай! А я помогу, обещаю.

Лейф искренне задумался.

– Не знаю. Надо посоветоваться с Эриком.

– Сколько у нас есть времени?

– Круг собирается два раза в году. Осенью, после сбора урожая, и весной, когда сойдут снега. В начале сезона штормов и в конце сезона штормов.

– Получается, уже скоро, – кивнула Лиля. – Так, посчитаем... с момента нашего знакомства прошло три Круга?

– Да, ваше сиятельство, – кивнул Лейф.

– Почему спохватились только сейчас? Чего тянули-то?

– Требовалось время, чтобы подмять под себя Торсвегов, – разъяснила Ингрид. – Мой дядя Эльг не самый приятный человек, и его не особенно любят.

– Ага... Значит, времени у нас не так много, – прикинула Лиля. – Решение надо принимать как можно скорее?

– Да.

– Что ж. Начнем с того, что завтра поговорим с Эриком и разработаем план действий. Я за вас в ответе, вы – мои люди, более того, вы мои друзья, которые стали мне родными и близкими. Плевать мне на все круги и квадраты мира, я своих не выдаю!

Лейф улыбнулся краешком губ.

– Я знаю.

– Молодец, – проворчала Лилиан,, прикидывая возможные варианты. И было их немного. – Ты мне скажи, чего ты кота за хвост тянул?

– Я?

М-да. Здесь такого идиоматического выражения не было. Лиля покачала головой.

– Извини. Так почему ты раньше ничего не сказал?

– Я был уверен, что сам справлюсь.

– Ага, либо я помру, либо падишах, либо ишак. А там разбирайся, кто из нас лучше знал богословие, – проворчала Лиля.

– Это какие-то ханганские предания?

– Почти, почти...

Лиля подумала, что в этом мире еще не было Ходжи Насреддина. Надо бы о нем рассказать. Обязательно надо. А пока...

– Я правильно понимаю, что отплытие должно состояться со дня на день?

– Мой корабль готов. И корабли Эрика тоже.

Лиля скрипнула зубами.

Мужчины, они в любом мире такие... мужчины! И понимаешь, что берут они на себя все заботы искренне, и никто не думает тебя унижать, что здесь это нормально, что мужчина – плечо и стена, опора и защита... бесит!

Когда ты слышишь: «дорогая, посиди в уголке, я сейчас убью дракона, спасу королевство и притащу сокровища, а ты пока повышивай розочки...». Так и убила бы.

Пяльцами. С особым цинизмом.

Лиля фыркнула, представив эту картину – она, на стремянке (иначе не дотянется), с пяльцами в руках, рядом Лейф, и почему-то не убивается, а придерживает даму и уговаривает быть осторожнее, ведь упадет... стремянку сломает...

– Я сегодня поговорю с мужем и будем решать. В любом случае, ты дал мне клятву, и один на Вирму не поедешь! Я сама поеду, если понадобится. Был у вас круг? Будет квадрат.

Лейф фыркнул в ответ, безоговорочно доверяя «грозной» графине Иртон. Ага, эта приедет и оквадратит. Или еще что

сделает... в любом случае, спокойной жизни на Вирме уже не будет. Это точно.

Ингрид посмотрела на Лилиан с надеждой.

– У нас может что-то получиться?

– Это сложный вопрос, – честно призналась Лилиан. – С одной стороны, вы вирмане и на вас распространяются законы Вирмы. С другой стороны, вирмане становятся своими в Ативерне. Можно поговорить с королем, можно придумать что-то полезное для вирман, можно сказать о клятве верности и нашем договоре. И можешь мне поверить, в беде я вас не оставлю.

Ингрид поверила.

Первой разговор за ужином начала Лилиан.

Компания за столом собралась небольшая, но вполне теплая. Джерисон, граф Иртон, во главе стола, Лилиан напротив. Миранда сегодня решила сесть рядом с отцом.

Лилиан переговаривалась с Тахиром дин Дашшаром, который рассказывал о состоянии здоровья его величества, Джеймс, барон Донтер перемигивался с Мирандой, Эрик налегал на тушеное мясо.

Первой, впрочем, начала разговор Лилиан.

– Эрик, расскажи мне про свой клан?

Эрик помрачнел. Тема была болезненная и неприятная.

– Я – Хардринг. Эрик Торвсон Хардринг. Просто не люблю об этом говорить.

Лиле это ровным счетом ни о чем не говорило, зато встрепенулся Джерисон.

– Тот самый? Клан Хардринг?

Эрик кивнул. И ткнул вилкой в кусок тушеного мяса так, словно оно было во всем виновато. Только зубец печально погнулся, звякнув о тарелку. Вот где порадуешься, что не выставила на стол стеклянных тарелок! Сейчас бы только осколки полетели во все стороны.

– Мне объяснения положены? – воззвала Лилиан.

Джерисон послал жене улыбку.

– Дорогая, клан Хардринг – один из самых сильных и многочисленных на Вирме. Чаще всего глава клана Хардринг бывает и главой Круга.

– Влияние, – пробормотала Лилиан. – Это хорошо. Эрик, ты знаешь о ситуации с Лейфом?

– Знаю, – кивнул Эрик. – Эрквиги и Торсвеги...

– А о том, что глава клана Торсвег собирается потребовать голову Лейфа у Круга?

Эрик напрягся. Ощутимо.

– Вот даже как? Со мной Лейф еще не говорил.

– Тогда давай я вкратце изложу, что он мне рассказал.

Краткое изложение затянулось минут на двадцать. Потом Эрик подвел итог.

– Паршиво, ваше сиятельство.

– Расклад обрисуешь?

Эрик давно уже привык к манерам графини, и не стеснял-

ся.

– На Вирме двенадцать крупных кланов, около пятидесяти мелких, перечислять сейчас всех не буду. Мой – один из самых сильных, может, даже самый сильный, но я в своем роду хоть и не изгой, но...

– Паршивая овца? Черненькая среди беленьких? Вроде бы и то, да не совсем? – подсказала Лиля.

Эрик кивнул.

– Да, что-то такое.

– Но люди с тобой пришли? Нам на выручку? – Джес прищурился. Эрик развел руками.

– Моя паршивость не отменяет удачи. А Круг понимает, что Вирме нужна и суша. Не только море... Бывают года, когда приходится убивать новорожденных – мы не в силах их прокормить.

Джес потер рукой подбородок.

– Его величеству Вирма тоже выгодна. Я уверен, что мы договоримся, но Лейф – человек моей жены. И неподвластен суду Круга.

Эрик развел руками.

– Вирмане должны знать об этом.

– Мы можем отправить посольство.

Эрик сморщил нос. Нахватался от Миранды ужимок.

– Ваше сиятельство, это неправильно. Лейф – Эрквиг, и за себя может ответить сам. Он ведет корабль, он капитан, за ним пошли люди. Если кто-то другой будет говорить за

него, это позор.

Джес понял и кивнул. Да, эпоха адвокатов тут не скоро наступит.

Либо отвечай за свои поступки, либо беги, но за чужую спину не спрячешься.

– А если добавить к нему посольство, мирные переговоры, и мягонько намекнуть, что Лейф оказал короне важную услугу?

– Это будет намного лучше, но Лейф все равно должен появиться на Вирме и говорить в свою защиту. И согласен, хорошо бы еще посла Ативерны. Человека, который будет говорить в его защиту.

– Я поеду, – Лилиан положила руки на стол. Джес едва не взвился на полметра вверх от возмущения, но следующие слова супруги его словно ледяной водой окатили. – Лейф – мой человек. Если бы не он, я не пережила бы той зимы в Ирhone. Он мне не раз жизнь спасал, я отдаю долг.

Джерисон почувствовал себя... некомфортно. Жена не напоминала, не обвиняла, но благодаря кому вирманам пришлось спасать Лилиан?

Сам виноват, сам ушами прохлопал что можно и что нельзя!

Эрик кашлянул.

– Ваше сиятельство, это... неправильно.

– Почему?

– Потому что вы – женщина.

Лилиан тряхнула головой так, что роскошная коса метнулась по полу, блеснула золотом в свете свечей.

– Я в курсе! И что?

– Мы уважаем силу. И возможность отстоять свои слова мечом. Вы не сможете этого сделать...

Лилиан прикусила губу.

Да, об этом она забыла.

Женщины здесь – всего лишь имущество. Красивое, дорогое, но имущество... на Вирме – немногим лучше. Да, там женщина может управлять хозяйством, ожидая супруга из рейда, но все дела, все сделки заключаются от его имени. Не от ее. Хозяин главный, не хозяйка.

Погибает супруг – и власти она лишится. Может, останется что-то, как у матери или бабушки нового хозяина, но в основном распоряжаться будет уже другая.

Есть исключения, Ингрид рассказывала. На Вирме есть женщины, за которыми признавали мужские права. И владеть имуществом, и распоряжаться, и даже давать детям имя своего рода. Может быть...

– Эрик, а что с кириями? Я не могу быть одной из них?

Эрик помотал головой.

– Нет, ваше сиятельство. Кирии стоят вровень с мужчинами.

– И?

– Вы во многом похожи на них, но есть одно препятствие. Вы не владеете оружием и не выстоите в Круге и минуты.

Против обученного бойца, против человека в кольчуге и с оружием. Против воина, такого, как я или Лейф.

Лиля поджала губы.

Ну, не владеете...

Это вопрос спорный, кое-кто на своей шкуре убедился. Но одно дело – ранить или убить того, кто не считает тебя опасной, другое выстоять против кого-то Эрикоподобного. Второе – нереально.

– А кирии?

– Кирии готовы доказать свое право в любой момент. Против любого. Исключение для них делается только если кирия носит ребенка. Или кормит его. Но как только отнимает от груди – сразу...

Лиля покусала ноготь.

– Джес?

Граф сразу понял, о чем спрашивает супруга. Не соизволили ли вы, дорогой муж, представлять на Вирме наши с Лейфом интересы? И выложил свою новость.

– Его величество хочет, чтобы я поехал в Уэльстер.

– Когда?

– Дней через десять.

– Зачем?

Джерисон предпочел бы сначала обсудить этот вопрос с глазу на глаз, в спальне, но теперь уже поздно. Да и чего тут таить? Все свои...

– Забрать невесту Ричарда.

– А сама она приехать никак не может? – прищурилась Лилиан.

– Это нужно как свидетельство мирных отношений между нашими странами... большая политика, – честно пояснил Джерисон.

– Замечательно, – процедила Лилиан.

Сказать ей хотелось много всего – и ничего приятного. Уезжаешь! Опять! И тогда, когда нужен! И вообще – опять всех шлюх соберешь по дороге?

Не сказала. Джерисон успел первым.

– Его величество надеялся, что я поеду с семьей...

– Семей?

– Я, ты, Мири...

– А Роман и Джейкоб? – въедливо напомнила Лилиан. – Малышей нельзя брать с собой. Их вообще ближайший год лучше никуда не возить!

– Их можно оставить под присмотром Ингрид. Или кого-то из твоих девушек. Мать может приглядеть за малышами и за няньками.

Лилию все перечисленное не вдохновило, но выбора не было.

– Допустим. Ингрид в любом случае остается в Тарале, девушки тоже будут счастливы потискать малышей, а твоя мать может осуществлять общий контроль и руководство. Да и Тахир... приглядите?

– Разумеется, – заверил лекарь наставницу. – Я в Уэльстер

все равно не поеду, кто-то должен оставаться при его величестве.

— Я тоже не в восторге, — вздохнула Лилиан. — Джес, у нас никак не получится отвертеться?

Джерисон только головой покачал.

Приказ короля — закон для подданных. Просто Лилиан это в голову... не приходило? Да, для нее слова короля не были единственной истиной, она их и сомнению подвергала, и что угодно, хорошо хоть исключительно в кругу семьи.

— Никак.

— А поторговаться? — прищурилась супруга.

Джерисон проглотил и другое, более нелестное.

Дочь купца, корабела, что вы хотите? Это накладывает свой отпечаток.

Аристократы — служат родине. Купцы требуют за это оплату.

— О чем, Лилиан?

— Мы едем в Уэльстер. А кто-то едет на Вирму. Я не оставлю Лейфа на растерзание, он мой человек! Если меня отсылают куда-то — пусть решат этот вопрос!

Джес порадовался, что ничего не сказал вслух. Речь не о выгоде — забота о своих людях достойна любого аристократа. И если его величество дает службу, из-за которой Лилиан не может позаботиться о своем человеке лично, она имеет право просить справедливости. А что неправильно слова подобрала — так в семье же, не с королем разговаривала.

И когда это вся разношерстная компания успела стать семьей господина графа? Но Мальдонада всех сожри, даже Эрик воспринимался Джерисоном, как дальний кузен. Четвероюродный, к примеру.

– Я поговорю с королем.

Лилиан бросила на мужа благодарный взгляд.

Джерисон ответил улыбкой.

Оказывается, семейная жизнь – это искусство вовремя промолчать... кто бы мог подумать?

Ночью супруги шептались в темноте.

– Джес, ты точно поговоришь завтра с королем?

– Обещаю.

– Я... пойми меня правильно. Лейф – мой друг, Ингрид моя подруга, без них я пропала бы в Иртоне, да и здесь, в столице они не раз выручали меня, без них я была бы уже мертва. И сейчас не брошу их в беде.

– Я понимаю.

– Я поеду сама, если понадобится. Любые деньги, любые слова, им надо торопиться. Если сейчас Лейф не поедет говорить на Круг, или в кругу – как правильно?

– Отвечать за себя перед Кругом.

– Ага. Если он этого не сделает, то его просто убьют. Как бешеную собаку, как человека вне закона. Он в море не выйдет, а на суше для него не жизнь.

Джес вздохнул.

Нет, ну что за жизнь?

Лежишь в кровати, обнимаешь очаровательную блондинку... и говоришь с ней о политике!

– Тебе, к сожалению, ехать нельзя.

– Потому что я не кирия? Я расспрошу Ингрид. Наверняка, найдутся и обходные пути! Чтобы вирманки их за такое время да не разыскали...

– Нет, Лилиан. Не поэтому.

– Тогда?

– Ты никогда не думала, почему вирмане оторваны от остального континента?

– Вера и территория, – не раздумывая ответила супруга. – Вы верите в Альдоная, они в своих богов. И остров. Это тоже не способствует открытости.

Джерисон кивнул.

– Это так. Раньше тоже случалось, что вирмане нанимались к кому-то на службу. Но у вас все это перешло в какой-то новый вид. Вы не просто господин и слуга, вы друг для друга – больше, вы стали союзниками, соратниками, как бы странно это ни звучало. Именно поэтому Эрик помог нам. А сейчас вирмане выходят из тени и желают занять свое место в мире. Откусить свой кусок пирога. И им нужны союзники.

– А Ативерна рядом, – поняла Лилиан.

– Да. Или мы друзья, или...

Или – да... и лучше первое. Намного лучше для всех.

Стоит только вспомнить историю Англии и Франции. Сколько лет воевали эти страны? Да до сих пор они друг друга не любят.

Островитяне, лягушатники...

С той и с другой стороны пролиты реки крови. А с чего началось?

С Вильгельма Завоевателя?

Или там еще раньше веселье творилось? Проллив-то – переплунуть можно, плыви, не хочу, вот и плавали, и пакостили друг другу. И сейчас, наверное, пакостят, только уже тайно.

Здесь расстояние чуть побольше, но все равно, от Ативерны до Вирмы ближе всего.

– А разве мы уже не друзья?

– Не совсем. Вирмане – друзья Лилиан Иртон. Но не всей Ативерны.

М-да...

Лилиан покусала губу. А ведь и верно.

– Теперь надо их подружить с остальной страной?

– Думаю, с этим лучше всего справится Ричард.

Лилиан вздохнула.

– Я все равно боюсь, что этого может не хватить.

Джерисон подавил в себе желание цыкнуть на супругу. Не по благородству душевному, просто ей будет наплевать. Еще и по-своему сделает, а король ее поддержит. Эдоард свою точку зрения прояснил четко.

– Ричард не дурак. А что до остального... тебе так хочется заниматься политикой?

Лилиан помотала головой.

– Нет!

– Тогда дай Ричарду перевести все на Ативерну. Договора, союзы, соглашения... не на тебя. На страну. Или ты до старости будешь вариться в этом котле.

Лилиан прикусила губу.

Нет, такого она для себя не хотела. А чего хотела бы?

Да того же, что и любая женщина.

Семью, детей, внуков, любимое дело... да, последнее – обязательно. Но все должно быть в равновесии. Джерисон прав, если она сейчас полезет в большую политику, она с ума сойдет. Ей бы что попроще.

Лекарское дело, книгопечатание, школы наладить, салоны открыть...

Еще и политика к списку?

Явный перебор.

– Ладно. Я попробую довериться Ричарду.

– Вот и хорошо.

Джес выдохнул. Рано, слишком рано.

– И буду надеяться, что с моим другом ничего не случится. Ни с кем из моих друзей.

И прозвучало это серьезнее всяких угроз. А чего кричать, ругаться или злиться? Предупреждать о своих действиях?

Зачем?

Проще – делать.

Джерисону оставалось только вздохнуть.

Держать в ладонях огонь – это прекрасно, завораживает, увлекает, но иногда так можно получить очень болезненные ожоги. Незаживающие.

Никому не удастся приручить пламя. Никогда. И забывать об этом не стоит.

На следующее утро графиня Иртон отправилась в Тараль, а Джерисон – к королю. Излагать проблему и методы ее решения.

Эдоард задумался.

Задумался и Рик, присутствовавший в королевском кабинете. А что выгоднее?

Сдать Лейфа – или поторговаться с Кругом?

Выходило так, что поторговаться. Лейф сейчас на службе у графини Иртон, читай – у графа, и подтекстом – у короля. Сдавать своих людей, лучший способ их лишиться. И новых так не приобретешь, кто ж пойдет на службу к подлецу и предателю?

А заодно и графини Иртон лишишься, вместе с полезными изобретениями. Все трое – Эдоард, Ричард, Джерисон, даже не сомневались, что рано или поздно Лилиан узнает – и не простит.

Ерунда? Бабу всегда сломать можно?

Можно. Но сломанной лопатой поле не вскопаешь, сло-

манной подковой коня не подкуешь. А еще графиня может и ответный ход придумать. Какой?

Да кто ж их, женщин, знает? Ясно только, что баба на тропе войны – хуже чумы.

И конечно, не стоит упускать шанс наладить отношения с Вирмой. Или их наладит кто-то другой. Тот же Уэльстер. Или Авестер...

Да хоть бы и ханганы – все одно безбожники, общий язык найдут. А вот остальным грустно станет.

– Мне надо ехать, – решил Ричард.

Эдоард вздохнул.

– Кто бы знал, как мне неохота тебя отпускать...

– Тахир говорит, что ваше состояние, дядюшка, улучшилось. Вы вне опасности... даже любовницу вернуть можете, – Джес улыбался, но глаза были серьезными. Эдоард погрозил ему пальцем.

– Надеюсь, он это только тебе говорит?

– Только Лилиан. А уж она – мне.

Эдоард кивнул. От докторусов не скроешься, эти где хочешь достанут. И все же...

– Если что-то случится... Рик, ты мой единственный наследник.

– Не только. Есть еще малявки, – указал любящий старший брат. – Выдашь замуж Лину или Джоли, и коронуешь их супруга.

Эдоард с удовольствием дал бы подзатыльник любимому

сыночку, но ведь увернется! Пришлось ограничиться коротким и почти семейным:

– Болван.

Ричард развел руками.

– Надо собирать два посольства. Одно в Уэльстер, за невестой, второе к вирманам.

– Главное, ты себе на Вирме невесту не найди, – пошутил Джерисон. – А то у них блондинок много...

– Самую роскошную блондинку ты уже прибрал к рукам.

Ричард шутил, но не без зависти. Было в Лилиан Иртон нечто такое... эта женщина может стать не просто женой, но и хорошим другом. И если Джерисон не окажется дураком, у них все еще может быть замечательно. Почти как в сказке.

А что выпадет ему?

Решение было принято единогласно.

Джерисон отправлялся в Уэльстер. Ричард – на Вирму.

Дорогая Лили!

До меня дошли слухи, что ты едешь в Уэльстер.

Я тоже собираюсь туда же!

Отец решил, что если уж мы не можем породниться с Ативерной через мой брак, так породнимся через другой. Как известно, у Мариш есть еще три сестры, а у меня – братья. Вот и посмотрим, кто и кому подойдет.

Я попросилась с Мигелем. Хочу посмотреть на Уэльстер, ну и на невесту – женским взглядом. Помнишь, как нам сра-

зу Анелия не понравилась?

Гадкая девка...

Хорошо, что ее унесли в монастырь. Пусть там и остается.

Искренне надеюсь увидеться с тобой в Уэльстере. Говорят, в Ативерне появились какие-то модные новинки? Ты мне покажешь все-все, правда же?

Твоя подруга, Лидия.

Лиля прочитала письмо и только головой покачала.

Значит, они едут к Гардвейгу.

Лидия едет к Гардвейгу.

Еще-то кого ждать? По закону подлости?

По закону подлости... не иначе, как саму Анелию. Бррр... не к ночи будь помянута!

Лиля вспомнила, как пыталась запустить остановившееся сердце графа, и поехала. Если Анелия Уэльстерская попадется ей на пути... Пришибет собственноручно! Просто сядет сверху и раздавит паразитку!

А если там сестры не лучше?

В чем-то Лидия права, надо посмотреть женским взглядом на весь этот «цветник», а то натащим в дом росянок, да еще бегающих и размножающихся.

Ричарду ведь все равно, какая там сестра будет, надо просто обговорить с ним этот вопрос – пусть даст Джесу карт-бланш, чтобы выбрал лучшую из принцесс. Сама посмотрит,

Миранду попросит – там принцессы как раз в нужном возрасте...

Все же будущая королева, надо выбрать кого поприличнее. Хотя Лиля сильно подозревала, что судьба распорядится по-своему. Крути, не крути, верти, не верти, а если судьба тебе пинка получить, то и не увернешься.

Но это философия, а в реальности...

Черт! Еще один сундук на подарки добавлять – и еще один – на сувениры. Лилиан малодушно застонала, но выбора не было.

Грузимся, ваше сиятельство, грузимся.

Ее сиятельство пыталась отговориться. И даже добилась под это дело аудиенции у короля. Но Эдоард уперся рогом.

О королях так не говорят?

Ладно, уперся всеми зубцами короны!

– Ваше величество, может, Джес съездит один? А я останусь?

Лиля осматривала венценосного больного. Так, на всякий случай.

Она доверяла Тахиру, тот был уверен в своих силах, но мало ли? По закону подлости вот так, уедет она, и все начнет рушиться. Или хотя бы крошиться и облупливаться.

– Лилиан, вам давно пора развеяться, – Эдоард все понимал, но намеревался настоять на своем.

Это тот случай, когда женщину уже уговорили, но надо ж поломаться? В таких случаях проще всего сделать вид, что у

нее есть право голоса и немного поуживать. Результат не изменится, а скандалов можно будет избежать.

— Развеяться... толпа народу, который я не знаю, дорога, — Лиля ворчала, не прерывая медосмотра. — И Уэльстер еще, не встань в простоте, не сядь где не надо, уж простите, ваше величество.

— Прощаю. Лилиан, а что вам мешает? Съездите, обзаведетесь полезными знакомствами, может, потом еще один салон откроете в Уэльстере.

Лиля вздохнула с таким надрывом, что позавидовала бы любая корова.

— Да и тут дел хватает!

— Каких, Лилиан? Дом моды пока еще строится, товар готовится, альдон только собирает первую печатную линию, у всех свои дела... впрочем, вы не беременны?

Лиля вспыхнула.

— Нет, ваше величество.

— Вот и привезете мне... ребенка из Уэльстера. Путешествия этому делу очень способствуют.

И подмигнул, греховодник.

Лиля скрипнула зубами, и подчинилась указаниям начальства. А куда деваться?

Вот и собирала теперь кучу всего Самого Необходимого в Дороге. И подозревала, что все равно чего-то да не хватит. Ладно, на месте докупим!

Вирма, дом Эллейг.

– Мама, ты звала меня?

Сидящая у ткацкого станка женщина с любовью поглядела на дочь.

Боги, как же она похожа на Ройса. Копия отца. От матери тут почти ничего и нет, да и не была она такой хорошенькой, даже в юности. Так давно... даже и не верится.

Сейчас никто не назвал бы Труды Торвсон Эллейг красавицей. Горе выбелило ее волосы, непосильный труд согнул спину, тоска расчертила лицо морщинами...

Зато дочь – удалась.

Высокая, статная, с длиннющей косой, не золотого, а скорее, серебристого оттенка, с яркими голубыми глазами, Тира привлекала не один заинтересованный взгляд. И отлично знала об этом.

Еще бы пользоваться своей красотой научилась, а то прямая, что ее клинок и такая же острая.

– Да, дочка.

Тира обогнула станок и уселась на циновку у ног матери. Как в детстве, ласково потерлась щекой о ее колени. И Труды не смогла отказать дочери в этой немудрящей ласке. Пальцы запутались в светлых, почти белых волосах...

– Ты моя красавица...

Тира пожала плечами.

Независимо и гордо.

К сожалению, гордость – это единственное, что могут себе

позволить нищие. Особенно – на Вирме. Все равно терять уже нечего.

– Прискакал гонец, искорка моя.

Тира напряглась.

– Мам?

– Да, дочка. От Хардрингов. Скоро собирается Круг.

Тира выдохнула.

– Мам, все будет хорошо. Я обещаю тебе, я справлюсь.

– Ох, детка...

И столько всего слышалось в голосе матери: огорчение, напряженность, тоска... Чуткая к настроению матери, Тира напряглась сильнее.

– Это не все вести?

– Боюсь я за тебя, – честно призналась Труди. – Очень боюсь. Вышла бы ты лучше замуж, честь по чести, мужа нашли бы хорошего, я внуков бы ждала.

Тира сморщила нос.

Вот уж чего ей не хотелось, так это замужества. Ни в каком виде. Знаем, кушали... на мамином примере, но зато – полной ложкой.

Эллейг.

Небольшое поместье на взморье, уютный дом, усадьба, в которую никогда не вернется больше отец Тиры. Ройс Эллейг только и успел шестнадцать лет назад, что жениться на Труди, уйти в первый поход и вернуться с добычей. А из второго похода не вернулся никто.

Море безжалостно.

Ройс так и не узнал, что оставил не только жену – оставил еще и маленькую дочку. Наследницу. Но тут начинаются вопросы права.

С одной стороны – на Вирме женщина может наследовать, только если отстоит свое право с оружием в руках. Труды этого сделать никак не могла.

Могла – Тира. Но не раньше шестнадцати лет. А до ее шестнадцати, поместье остается за вдовой и ребенком. Такая вот лазейка. Может, Тира пожелает выйти замуж, может, нет... Труды никогда не смогла бы воспользоваться этой лазейкой, если бы не отец.

Торв Хардринг, глава одного из сильнейших кланов Вирмы.

Мог он принять дочь обратно? Да вполне, и замуж выдать еще раз, и приданое дать – нашлись бы охотники но Труды буквально упала ему в ноги. И Торв махнул рукой.

Детей у него было много, Труды никогда не была любимицей, ну и пусть живет. Рабы какие-то есть, ребенка и женщину надел прокормит, замуж захочет – так сама выйдет, все на приданое не тратиться...

Труды замуж не хотела. Мужа она любила глубоко и искренне, до безумия, чуть от горя не умерла, когда он не вернулся. Спасла только маленькая дочка, требовательно пищущая в колыбели. Да родители Ройса, о которых надо было заботиться.

Старый Хорт Эллейг доживал последние годы, но ясности мысли не утратил. И хватки – тоже.

Сына больше нет. Есть прижитки от рабынь, но от них мужчина быстро избавился. Есть внучка, которая может унаследовать Эллейг. Для этого нужно только воспитать из нее кирию.

А для этого нужны учителя и воспитатели.

Их было трое. Старые Бьерн, Олаф и Сиг, из тех, кто ходил в походы еще с Хортом. Они и занялись малышкой.

Учили держать меч, метать ножи, стрелять из лука...

Девочка с радостью осваивала науку. Бегала босиком до зимы, купалась в море и ругалась так, что козы лысели. Последняя наука как-то сама освоилась.

К сожалению, Хорт умер четыре года назад. Старших Эллейгов унесла болезнь, равно как и отца Труды. Женщине опять повезло.

Болезнь не пощадила никого, всем стало просто не до ее крохотного клочка земли. А там и дочка подросла...

Тут-то и начались проблемы.

Ти́ра оказалась на редкость красивой. Копия Ройса, на которого все женщины заглядывались. Разве что овал лица, как у Труды, губы и глаза. Ройс был кареглазым, и губы у него были узкие, плотно сжатые. А у Ти́ры полные, так и зовущие к поцелуям... парни, которые решилась это проверить, платили сломанными костями.

Учили девочку всерьез, и была она тоже – не жалея.

– Мам, кто на меня позарится? Второй-третий сын? Да еще сможет ли он отстоять Эллейг? Ты вот замуж не пошла...

– Я твоего отца любила.

– А я никого не люблю. Противные они, вонюче, прыщавые, а уж лапы липкие.... Фу!

Ти́ра так выразительно сморщи́ла нос, что Труди рассмеялась.

– Неужели – никого?

– Мам!

Возмущение было искренним. И Труди махнула рукой. Пусть из дочери получится кирия, пусть... не обязательно же ходить в походы?

Труди чуть лукавила и перед собой.

Она безумно любила мужа. А вот Ройс...

Любил он ее – или женился на девушке из богатого клана, чтобы поправить семейные дела? Она убеждала себя в первом, а правды уже и не доищешься. Ти́ра была единственной частичкой мужа, которая у нее оставалась. И отпустить дочку было слишком больно.

Сил не было.

Это – ее дочь! И лучше участи, чем быть рядом с ней, выдать замуж, нанять ее деток, Труди себе и не хотела. Пусть у нее не сложилось – она будет счастлива вместе с дочкой!

Но сейчас речь не об этом.

– Детка, пастухи с утра двух коз недосчитались. Шкодит

кто-то... ты не посмотришь?

Ти́ра почти взлетела на ноги. Коса со свистом рассекла воздух.

– Да что ж это такое?

Козы.

Да, на Вирме не всякая скотина уживется, но козы... У вирман даже предание было, что первого человека сотворили боги, смешав козье молоко, мед... правда, потом туда Холлош плюнул (по некоторым преданиям – помочился, оттого и характер у людей не медовый), но коза на Вирме была почти священным животным.

А кто еще спасет от голода? Кто может есть даже рыбы головы? Чьим молоком выкармливают детей?

– Дочка, может, это зверье какое?

– Откуда бы им взяться на Вирме?

Мать вздохнула.

Ответ был известен и матери, и дочери. Не зверье, нет...

Шкодят – люди. И сейчас Ти́ра отправится к стаду, попробует проследить воришек, найти и наказать. Ти́ра вскочила, поцеловала мать в щеку, и удрала за дверь.

Труди покачала головой.

Все же...

Круг собирается, и этой зимой они будут там. Вот бы Ти́ра нашла себе мужа? И отстаивать свое право наследования ей не придется, Эллейг мужу в приданое пойдет, и дочка под защитой, и сама Труди.

Девочка у нее красивая, может себе мужа найти. Пусть постарше, это не страшно. Зато жену придержать сможет. Пойти, помолиться за то Флейне...

Так Труди и сделала.

К пастухам девушка добралась достаточно быстро. Стадо коз, небольшое, всего-то двадцать рогатых голов, паслось на взморье, двое подростков, один из них увечный – сухорукий, а второй просто дурачок, состояли при них пастухами. А и то...

Рабы – дорогое удовольствие. А вот такие, калеки... их чуть ли не за дверь выгоняют. Яся выгнали потому что он дурачок, только мычать и может. Вот, как мать у него померла, так отец сам и выкинул, нечего кровь позорить. А мальчишка хороший, сильный, послушный. Просто своего ума нет, ну так и не нужно, за него Эрк думает. Эрку хуже приходится. Правая рука нерабочая, на Вирме, да и в любом месте это горе. Но мальчишка не унывает. Писать пробует левой рукой, играть на дудочке, истории рассказывать. А пока, вот, в пастухах... с Ясем он поладил. Эрк говорит, Ясь делает.

Только вот на двоих мальчишкам чуть больше лет, чем одной Тире. Вот и не всегда справляются.

– Привет, Эрк! Ясь, – помахала рукой Тира. – Ну, показывайте, где и что.

Эрк развел руками.

– Вот... пропажа случилась.

Ничего нового и удивительного. Эрк уснул, а Ясь не уследил. По-хорошему задать бы ему трепку, да смысла нет. Один и так знает, что виноват, а второго хоть лупи, хоть не лупи, все одно не поймет.

– Где дело было? Показывай!

– Да мы тут и пасемся. Никуда не уходили...

Тира вздохнула, и принялась ходить кругами, разыскивая следы. Тщательно осмотрела кусты, спустилась вниз, к пляжу, ловко скользя по тропинке. Могли похитители прийти снизу?

Могли, но вроде бы следов нет?

– Задница Флейны!

Ругательство застало ее врасплох, но ненадолго. Девушка мгновенно обернулась, кроткий кинжал сам собой прыгнул в руку...

Мужчины не собирались нападать. Они просто ехали мимо, по прибрежной полосе... мать просила лишний раз никому на глаза не попадаться, Тира так и поступала. Но вот – не убереглась.

Мужчина, который ехал впереди всех на роскошном рыжем жеребце, спрыгнул с коня.

– Какие красотишки водятся в этих краях! Знал бы – раньше приехал...

Тира отступила на шаг. Если что – наверх она вскарабкаться не успеет, ее поймают. Значит, надо ранить одного-двоих – и прыгать в море. Сапоги, конечно, жаль, но пла-

вает она, как рыба, а эти за ней не поплывут. Коней не бросят. Ей же здесь все укромные гроты знакомы, пересидит, сколько понадобится.

Мужчина подходил все ближе. Высокий, на локоть выше, чем она, мощный, лет тридцати на вид, с перебитым несколько раз носом, со светлыми волосами и голубыми, почти как у нее глазами. И все же, ей он не нравился. Совсем не нравился. От него исходила какая-то угроза...

Ударить?

Тира напряглась, словно большая кошка.

– Не приближайтесь, господин!

Мужчина послушно остановился. Но чувствовалось, что ненадолго.

– Хорошо... ты кто такая, госпожа?

– Тира Эллейг! А ты кто?

– А я Эльг Торсвег.

– Глава клана Торсвег?

Тира была в курсе последних новостей. А уж эта...

Побег девушки из Торсвегов с мужчиной из Эрквигов, убийство ее отца и брата, свара за главенство в доме Торсвег...

Вся Вирма гудела. Такое не каждый год случается!

– Это я, – приосанился Эльг. – А кто твой отец?

– Ройс Эллейг, господин.

– Ты законная или признанная? Или...?

Вопрос был вполне обычным.

Вирма...

Жена у вирманина была одна. А вот рабынь себе на ложе он мог брать хоть десяток. И если рабыня тяжелела от вирманина, ребенка можно было признавать, а можно и не признавать. В первом случае он становился вирманином, во втором – оставался рабом. Иногда рожали и свободные женщины, вдовы, к примеру... да всякое бывало.

Тира потрянула головой.

– Я законная дочь.

И коснулась пряжки пояса левой рукой. Такие пояса, как ее, широкий, кожаный, воинский пояс с креплениями для ножен, могли носить далеко не все.

Эльга больше заинтересовал не пояс, а талия девушки, которую он мог бы обхватить двумя ладонями. Хороша...

В такой глуши – и такой цветок! Руки сами тянутся... но Эльг был неглуп. К тому же и женат, так что тянуть руки раньше времени не стал.

– Я могу тебе чем-то помочь, госпожа Эллейга?

Тира покачала головой.

– Нет, господин Торсвег. Сама справлюсь.

– Могу ли я навестить ваш дом, госпожа?

– Об этом надо спрашивать не меня, господин. Моих родителей.

Тира отлично знала, что означает такой взгляд у мужчины. Масляный, липкий, направленный на ее грудь, а потом и ниже... иным за такое и хотелки отшибала. Сейчас не по-

лучится, у Торсвега отряд в два десятка человек.

– Я пришлю гонца, госпожа Эллейга.

Тира склонила голову в знак согласия.

Она не сомневалась, что Торсвег скоро будет знать все про нее и ее семью. Не впервые.

Холош бы побрал этих коз! Нашли время теряться, паразитки!

Через четыре часа, Тира вновь сидела рядом с матерью, на этот раз в обеденной зале.

Некогда здесь было шумно и весело. Пировала дружина, славил Эллейгов, перешучивались служанки, звенели кубки и клинки...

Было.

Ушло... и сидели здесь только две женщины, да пяток стариков и старух. Осколки прежних времен и былой славы.

Тира уже рассказала матери о встрече. Козы, кстати, нашлись, никто этих тварей не крал. Просто – козы, и этим все сказано. И удирают они замечательно, стоит только отвлечься.

Труди покачала головой.

– Говорят, Элыг Торсвег, человек очень жесткий. Даже жестокий.

– И?

– Если ты ему понравилась... не знаю, дочка. В Круг тебе все равно надо ехать.

– Но? Мам? Ты недоговариваешь!

– Нет... я просто пока не знаю.

– Чего не знаешь? Мам?

– Может, для тебя было бы и лучшим выходом, если бы Торсвег взял тебя под покровительство? Отстоять тебя он сможет... жили бы мы спокойно, а он наезжал бы?

Тира передернулась.

– Мам, ты что?

– Он тебе не понравился?

– Нет, – Тира замотала головой так, что едва косой не угодила в очаг. – Лучше я Яся поцелую. Или вообще в море прыгну!

Труди хмыкнула. Неопределенно так... недаром она берегла дочь, как могла. Но им действительно ехать в Круг, значит, нужны союзники. Почему бы и не Торсвег?

Вслух она ничего не сказала. Сначала надо посмотреть, что там за человек, а уж потом и предполагать, и предлагать.

Подождем гонца.

Уэльстер. Кардин.

Женщина посмотрелась в зеркало.

Новенькое, стеклянное, безумно дорогое... да, есть и в нем свои недостатки. К примеру – отражение. Слишком четкое, слишком точное, и ни на один день моложе. И морщинки, и седые волоски...

Замазать их можно, но куда деть взгляд? Холодный, рас-

четливый, надменный?

Услышав, как скрипнула дверь, женщина тут же опустила ресницы.

Она научилась многому за эти годы.

Тихо ходить, опускать голову, молиться, каяться, лгать и предавать, но вот глаза... глаза свои она не контролировала. А глаза у нее были редкостные. Яркие, карие, с золотыми тигриными искорками... когда-то один влюбленный мужчина сказал ей, что у нее глаза хищной кошки.

Не только глаза. Характер у дамы тоже был тигринный.

И потому она прятала зеркала своей души под густыми ресницами и вуалями. Ни к чему всем подряд показывать, что она из себя представляет.

– Прихорашиваешься?

Женщина мило улыбнулась в ответ.

Этот мужчина имел право и на подобную небрежность, и на неизмеримо большее. Имел... не пользовался, но сильно-му и не надо показывать свою силу. Ни к чему.

– Не могу оторваться от зеркала... оно великолепно.

Поддерживать светскую беседу было несложно, но мужчина не пожелал играть в игры.

– У меня хорошие новости. Шут уезжает.

– ЧТО?!

Женщина ахнула, схватилась за горло, почти осела в ближайшее кресло.

– Да! Гардвейг отсылает эту тварь!

– Не верю!

– Приезжает посольство из Ативерны. За Марией
Женщина нахмурилась.

– И... и что?

– Лорт сильно провинился перед королем, очень сильно.

И в Ативерне отметил, слышала, что там в Лавери творилось?

– Анелька решила уйти в монастырь?

Женщина язвила. Она была в курсе если и не всех событий, то большинства. И знала, за что Гардвейг может прогнаться на своего шута.

– Почти, почти... одним словом – Эдоард взбесился, едва не поругался с Гардвейгом, так что Лорта год при дворе не будет!

– А посольство...

– Прибывает через месяц.

– Но хватит ли нам времени?

Мужчина улыбнулся. Холодной змеиной улыбкой.

– Должно хватить.

– Посольство уедет, и мы...

– Нет. Посольство как раз приедет.

Женина широко распахнула глаза, забывая про конспирацию. Золотые искры плясали в них, словно рой огненных пчел.

– Мы поссоримся с Ативерной?

– Нас есть кому поддержать. Поверь мне...

Женщина не верила, но и альтернативы не предлагалось. А потому она передернула плечиками. Некогда очаровательными, а сейчас предусмотрительно спрятанными под теплым коричневым бархатом.

– И... как это будет?

Мужчина улыбнулся.

– Ты, главное, напиши воспитателям, пусть везут сюда мальчишку. А остальное моя забота.

Женщина кивнула.

Наступало время мести. А что у нее свои интересы, а у мужчины свои...

Это и неудивительно. У двух разных людей не бывает одинаковых бед.

Глава 2.

Пора в путь-дорогу.

Ативерна. Лавери.

Лилиан продолжала собираться. Подарки уложила, теперь можно и личным имуществом заняться. Как раз и платья дошили. М-да, обросла ты, дама, барахлом, просто жуть.

Вот из Иртона в Лавери она ехала куда как спокойнее, а тут!

Платья. Большая куча.

Украшения. Сундук. Джерисон ей столько побрякушек отдал, что новогоднюю елку три года наряжать хватит – и ни разу не повторишься.

Всякие подарочные мелочи, вроде ручек, чернильниц, украшений, кружев... тоже бо-ольшой сундук. С ней едет Ирэна, едет Марта, которую не удалось уговорить остаться дома, это тоже место...

Это мы еще молчим про приданое Миранды, про двух здоровущих собак, которых не оставишь, про жеребца – она же не сможет всю дорогу проехать в карете, это просто убийство...

Почему не по морю?

А сезон штормов. Сейчас погода не то, чтобы сильно гад-

кая, еще достаточно тепло, но коварно. Такой вот период между летом и зимой, когда в любой момент налетит шторм, подхватит, завертит, унесет...

Но ворчала Лилиан больше из вредности.

Между нами говоря, уехать и правда хотелось. Хоть ненадолго!

И устала она, как собака, и последние несколько месяцев тяжело ей дались, и муж...

Вы думаете, это так легко и просто? Притираться к человеку, узнавать его, дать шанс и себе, и ему? И не по любви, нет. Просто потому, что совместного имущества у вас столько, что делить и не получится. Дочь-то не поделишь...

Джерисон, слава богу, это понимает, и не давит, но все равно – тяжело.

Лиля хорошо помнила свою первую любовь. Да собственно, кроме Лешки ей никто и не нужен был. Они как познакомились, так и поняли, что судьба, так и не расставались, они были больше продолжением друг друга, чем самостоятельными единицами. И семья у них получилась бы замечательная.

А с Джерисоном...

Все же, это средневековый граф, со всеми средневековыми понятиями. В том числе, и о месте женщины в своем мире. Для Лилиан он исключение делает, но...

Знаете, сколько у него любовниц? Бывших?

А сколько в списочке?

И ведь ждут, стервочки, локтями друг друга отпихивают... разгонять – ни времени, ни сил не хватает. Самое забавное, что вещички для соблазнения графа, как раз у нее и закупаются.

Лилиан хмыкнула, вспомнив отделанный бантами и кружевом корсет, который прошлой ночью лишился половины крючков. А что?

Если на мужа действует, то и остальным понравится. Даешь эротическое белье!

На мужа подействовало. Хотя ты пиши на образце «Проверено и одобрено Д. Иртоном. Лично». И ведь будет, будет пользоваться спросом! Как-никак, его сиятельство половину дам при дворе лично... одобрял. Хм...

Лилиан еще собиралась наладить производство чулок в сеточку. С подвязками и поясами. А что? Вязать легко, размерный ряд любой, знай, петли добавляй, выглядят...

Если б не выглядели, не вспыхивала бы на них мода. Все равно благородные дамы волосы на теле выщипывают, так что смотреться будет.

От размышлений Лилиан отвлек супруг.

Заявился, сунул нос в сундук, полюбовался на шелковый пеньюар, отделанный кружевом. Все в белых и зеленых тонах.

– А этого я еще не видел?

– Примерить?

Лилиан улыбалась. Джес покачал головой.

– Вечером. Мне еще к Августу, а если мы сейчас приступим к примерке, до вечера я точно никуда не попаду.

– Отец простит, – но Лилиан не настаивала, верная правилу не бросаться мужу на шею. – Ему же внуков делаем...

– Хм...

Под таким углом Джерисон этот вопрос не рассматривал. Но взгляд на живот Лилиан перевел.

– А ты не...?

Лилиан покачала головой.

– Пока мне еще нельзя. После выкидыша надо хотя бы два года обождать, Тахир так считает.

Джерисон вздохнул. Не упрек, нет, но... чего уж там, его вина.

– Значит, подождем. Детей я люблю, но...

– Процесс – тоже? – подшутила Лилиан, вспоминая поручика Ржевского.¹

Джерисон нахмурился, потом фыркнул. Понял...

– О процессах мы вечером поговорим.

И так у него это многообещающе-интимно получилось, что поручик почувствовал бы себя посрамленным. Два раза.

Лилиан промолчала. Только улыбнулась так же многозначительно.

Джерисон почувствовал себя героем-любовником, поцеловал жену, и исчез за дверью.

¹ – Поручик, вы любите детей? – Детей нет, но сам процесс.... Старый анекдот. Прим. авт.

Лилиан вздохнула.

— Камасутру, что ли, переписать? Или ну на фиг? Если что — и помочь будет некому...

Было, было и такое в практике медика. Решили два молодых человека поэкспериментировать, заплелись в загогулину, а потом, в процессе, то ли мужчина как-то не так повернулся, то ли дама испугалась, короче — склешились. Спазм-с...

Кое-как скорую вызвали, так пока эту эротическую скульптуру на носилках вытаскивали, вся улица сбежалась. А как их еще распутаешь? Только в больнице, только травматология.

А здесь до ближайшей травматологии триста лет вперед, если не пятьсот. Если только Тахир поможет...

М-да. Лучше не доводить до греха.

Или написать — и подарить потенциальному противнику? Пусть познают мир через призму эротики. Нет войне, даешь любовь!

В сундук отправилась еще одна пара чулок. И туфли... пойти, что ли, поговорить с кожевниками? Ладно, подождем пока. Изобретения — это хорошо, но ведь не все же сразу?

Вирма, земли клана Торсвег.

Эльг Сноррисон Торсвег встречу на берегу вспоминал. Еще как вспоминал...

Девушка была очаровательна. Так бы и подмял под себя...

и ведь за кинжал держится, дурочка! Как будто это ей поможет!

Если только против какого-нибудь слабака, но точно не против него.

Но – она свободная. И законная наследница.

Справки Эльг навел. Его бы не остановили такие мелочи, все же Эллейг – крохотное поместье, почти лоскут на берегу моря, но вот связь с кланом Хардринг! С тем самым кланом, который надо перетянуть на свою сторону...

Почему бы не поступить умно?

И акулы будут сыты, и моряки целы. Потому что на корм рыбкам пойдут рабы или пленники.

Эльг подумал пару минут, вытащил из сундуков отрез шелка – и отправился с визитом вежливости в Эллейг.

Сразу было видно – дом без хозяина. И тын подновить не мешало бы, и свежих черепов нет², и рабы двигаются как-то лениво, вот, в его доме они чайками летают, и попробовали бы они ползать! Мигом бы кнута получили!

А тут и столб для наказаний подгнил, пнуть – и свалится.

Труди, как и полагается хозяйке дома, вышла во двор, встречать гостя, и про себя порадовалась, что Тиры нет дома. Ляпнет еще чего дорогому гостю... Дочка слишком порывиста в некоторых вопросах, ее лучше ставить перед фак-

² на Вирме принято и такое. Отрубать головы у достойных врагов, привозить и насаживать на колья частокола. Пусть оберегают дом. Прим. авт.

том – или осторожноенько подводить к нему. Шаг за шагом, постепенно, так, чтобы она сама приняла неприятное решение. Молодежь, что поделать!

Эльг спрыгнул с коня и поклонился, прижав руку к сердцу.

– Госпожа Эллейга! Мое почтение!

Труди чуть расслабилась. Что бы ни задумал Торсвег, сюда он пришел не воевать и не угрожать. Договариваться. И кольчуги на нем нет, и одежда праздничная, рубаха шелками шита, и оружие парадное. Не боевое, сто раз проверенное, а потому невзрачное и удобное. Парадное – украшенное камнями и золотом.

Сражаться и таким можно, на то и воин, но свое, в руке обкатанное – лучше.

– Мое почтение, господин Торсвега. Слухи о вашей удали доходят и до нашего захолустья. Я слышала вас можно поздравить?

Эльг улыбался так открыто, что в его безобидность поверила бы и более бдительная мать.

– Да, госпожа Эллейга. Наконец-то наш клан обретет достойного главу.

– И я не сомневаюсь в этом, видя его перед собой, – капнула медом женщина. – Уверена, под вашей рукой клан Торсвег придет к процветанию, а там и займет достойное место в Круге. И я не раз услышу о ваших подвигах.

Эльг улыбнулся в бороду.

Все ясно, женщина оценила перспективы – и готова разговаривать. Ну, если так...

– Госпожа, если вы позволите преподнести вам маленький подарок...

Труди, разумеется, позволила. И ахнула, когда из свертка показался розовый шелк.

– Какое чудо! Благодарю вас, господин Торсвега!

– Эльг, дорогая госпожа. Если вы позволите – для вас просто Эльг.

– Меня зовут Труди, Эльг. А моя дочь... вы уже знакомы с Тирой?

– Да, Труди. Знакомы.

– К сожалению, ее сейчас нет дома, но не сомневаюсь, она тоже будет благодарна вам за подарок.

– Ей он будет к лицу. Не так, как ее очаровательной матери, все же Тира молода...

– Да, ей всего пятнадцать лет. Через месяц будет шестнадцать, – вздохнула Тира. – Но что мы все разговариваем во дворе? Вы позволите пригласить вас в дом, предложить подогретого вина?

– Я был бы счастлив, Труди...

– Тогда – прошу.

Эльг внимательно наблюдал за женщиной. Нет, она не кокетничала, она вежливо улыбалась, и кажется, приглядывалась. Поняла, что он заинтересовался Тирой... ну, что ж. Продолжим обработку.

Труди не менее внимательно наблюдала за Эльгом. И... нет, не радовалась.

Опасный мужчина. Очень опасный.

Умный, хитрый, хищный. И есть в нем нечто порочное, может, так кажется, из-за ярко-алых губ, которые он облизывает кончиком языка, а может, из-за темного взгляда...

Некоторым женщинам такие мужчины нравятся. Но им играть с огнем, им и обжигаться. А тут речь о ее дочери! Ее Тире...

Нет, не такого зятя хотела бы для себя Труди. Да и Эльг не сможет стать зятем, она-то знает. Торсвег давно и счастливо женат на тихой домашней женщине, которая в его присутствии рта не откроет. Хоть там выводок ублюдков по дому бегай!

Хоть там муж на столе в пиршественном зале с рабыней развлекайся.

Вышколена. И это... опасно.

Труди дочери подобной судьбы не хотела. Но и отказать пока не получится. Значит – принимаем и льстим. Она – Хардринг!

Вино было подано мгновенно.

Эльг отпил глоток и хмыкнул. Не худший напиток, кстати говоря. Откуда ж ему было знать, что это вино лежало еще со времен Ройса? Пить его было некому, вот и сохранилось. И пряностей было в меру, и подогрето, как надо...

– Благодарю вас за теплый прием, госпожа.

– Труди, – напомнила вдовушка, мило улыбаясь. – Вы долго в нашу глушь?

– Как получится, – вздохнул Эльг. – К зиме мне надо в Круг, это важно.

– Подтвердить свое право?

– Да, Труди. Да...

– Нам тоже надо будет в Круг. Так что мы увидимся, – Труди подлила гостю еще вина. – Брат будет рад видеть нас с племянницей.

Не рад. Но написать она Олаву Хардрингу давно написала, и принять их смогут. Уж не объедят две женщины целый клан, не протопчут половиц, не пролежат лавок.

– В Круг? – заинтересовался Эльг. – Позволено ли мне будет спросить?

– Разумеется, – захлопала ресницами Труди. – Дело в том, что моя дочь – единственная наследница Эллейга, и Тира собирается заявить свои права на дом и землю.

Эльг поднял брови вверх.

– Вот как? Не выйти замуж...?

– Нет. Тира еще никого не любит. Сердце девочки свободно, и я не хочу ее неволить. Кто приглянется, тот и приглянется. Если это окажется кто-то безземельный, детям будет, где поселиться. А если кто-то другой... что ж, в Эллейге опять появятся наследники.

Эльг оценил намек по достоинству.

Можешь добиваться моей дочери, я не возражаю. Но все

должно быть по доброй воле с ее стороны

Конечно, по доброй воле. Эльг в себе не сомневался, ни на минуту. И не таких под себя подминали!

– Ваша дочь хочет стать кирией?

– Я не одобряю этого, – вздохнула Труди. – Но Тира вся в отца...

Эльг оглядел собеседницу более пристально, и решил, что это к лучшему. Девчонка прехорошенькая, а мать... да никакая! Бесцветная и страшенькая. Наверное, была в молодости симпатичной, да время все стерло мокрой тряпкой, еще и хлестнуло вслед. Сейчас-то и не поймешь под морщинами да сединой. И руки с мозолями, со шрамами, с обломанными ногтями, неухоженные и усталые. Явно сама работает, значит, рабов в Эллейге не хватает. У него-то жена сама за прялку не берется, а в Эллейге – вон, в уголке стоит, и слушанки при ней не видно.

Кстати!

– Вы собираетесь в Круг?

Тира неопределенно пожала плечами.

– Как получится, Эльг. Как получится.

– Я скоро уезжаю. И если вы окажете честь и составите мне компанию, я буду счастлив.

– Скоро...?

– Через десять-двенадцать дней.

Труди прикусила губу.

Десять дней.

В принципе, ей этого времени хватит. За домом есть кому приглядеть, урожай уже соберут – можно и поехать вместе с Торсвегами.

Тира?

Девочка тоже согласится. Все лучше, чем ехать одним. Но поломаться надо.

– Если Тира согласится, я буду счастлива принять ваше приглашение, Эльг. Не стану скрывать, мы живем достаточно... уединенно...

А попросту бедно, – перевел Эльг с дипломатического на вирманский.

– Да, здесь глушь. Если бы не поместье, я бы сюда еще долго не приехал. Но дела клана...

– Как я вас понимаю! Дела клана, это так важно, я с этим выросла. Что ж, если Тира согласится поехать с вами, я буду счастлива.

– Ваша дочь будет решать такие серьезные вопросы? – искренне удивился Эльг.

Труди развела руками.

– Дети... Скажите, у вас есть дети?

Эльг кивнул.

– Разумеется. Я не мальчик, у которого одна кольчуга и топор. Я и жену обеспечил, и детей...

Труди похвалила мужчину за заботу, Эльг принялся рассказывать, какое у него большое хозяйство и сколько кораблей...

Время пролетело ко всеобщему удовольствию.

Эльг понял, что в лице Труды нашел союзника.

Труды поняла, что Эльг хочет ее дочь и готов за это платить.

Ничего не поняла только Тира, но девочка пока еще маленькая. Что она вообще может понимать в мужчинах?

На то матери есть, они разберутся и мягонько посоветуют кого надо.

Аттиверна, неподалеку от Лавери.

– День добрый, Август!

– Джес!

Корабел искренне обрадовался зятю. И то сказать... за дочку он переживал, но вроде как у молодых все налаживается? Можно и приветить парня.

А заодно и проследить. Больше Август такой важный процесс, как обзаведение внуками, на самотек пускать не собирался.

Строгий контроль и учет! И никаких сомнений!

Внука ж мало сделать, его надо чему-то научить, а как Август этим в шестьдесят займется? Раньше надо, пока есть в руках сила, пока ноги носят... так что надо поторопить молодежь. Пусть ему внука сделают, а уж воспитанием дедушка сам займется!

Что, плохо у него с дочкой получилось?

Небось, графиню Иртон и король уважает, и есть за что!

Вот!

Вслух, конечно, Август этого не сказал. А пригласил Джерисона на бокал вина.

Граф покачал головой.

— Лиля будет недовольна.

Август поднял брови, но от комментариев воздержался. Мариэла тоже не любила, когда он напивался, но им-то чуть-чуть выпить? Что такое кубок вина для взрослого мужчины? Водичка!

Джерисон понял удивление тестя, и пояснил.

— Лилиан и Тахир дин Дашшар разбирают сейчас старинные свитки. А там сказано, что вино приводит к рождению больных детей. Даже если пить помалу, но каждый день, может плохо получиться. Они и мне рассказали.

— И?

— Лилиан от вина отказалась. Я тоже решил поддержать компанию.

Джерисон улыбнулся так по-мужски, что Август вдруг почувствовал себя шестнадцатилетним. Совсем молодым. Еще бы печенка не болела с утра, да каждый день!

Были мы когда-то скакунами, а теперь пахать осталось нам...

— Так вы собираетесь...?

— Лилиан пока лечится. Но в любой момент, когда получится, мы готовы.

Август потер руки.

– За это надо вы... так, а что же пить?

– Колодезная вода меня устроит. Есть холодненькая, а то жарко?

– Да, день хороший выдался, – согласился Август. И крикнул принести воды.

Пока ждали слугу, Джерисон поделился и еще одной просьбой.

– Мы в Уэльстер собираемся. Вы за Романом и Джейкобом не приглядите? Я мать попросил, но так бы надежнее? Чтобы и вы, и она.

Август откровенно растерялся.

– Не на верфи ж малявок тащить?

– Нет. Но если вы будете хотя бы раз в два дня в наш дом приезжать... а мать там так и так жить будет?

Август расправил плечи.

Алисия Уикская ему нравилась. Вот судьба такая – любить умных и сильных женщин. А красота... а что такое красота? Лилиан свекрови помогла с одеждой и прической, так Алисия выглядит теперь лучше многих молодых. И сам Август не мальчик.

В его возрасте уже не наездницу ищешь, а родственную душу, с которой поделишь пастбище. И у Алисии он мог рассчитывать на понимание.

Ей ведь тоже в жизни досталось... болван все же у Джеса папаша был, не тем помянут.

– Уговорил. Может, даже поживу у вас, а сюда ездить буду.

– А мастера без вас не напортачат?

– Плох тот начальник, без которого работа встанет, – хмыкнул Август, – ты мне расскажи, чего вас в Уэльстер понесло?

– Меня, жену, Миранду, Джейми хотели уговорить, но он, наверное, на Вирму поедет...

– Донтер?

– Да. Тахир здесь остается, с королем, Джеймс на Вирму едет, ну а у нас уже есть лучший докторус. Ее сиятельство графиня Иртон.

– Превратили девчонку в травницу...

– Его величество Гардвейг оценил. И очень просил приехать.

Джерисон расправил плечи, явно гордясь супругой.

А что?

У мужа умной и красивой женщины есть два пути. Либо подмять ее под себя, часто тем самым бесповоротно калеча ее и ломая душу. Либо – встать вровень с ней, расправить плечи и заявить: это – моя жена! Я ей горжусь, а вы завидуйте молча!

Второй вариант встречается куда как реже. Как и настоящие мужчины.

– Ну, допустим. Но докторус ведь тут не главное?

– Нет. Тут принцесса Мария ждать будет.

Ах, вот оно что!

Август был полностью в курсе ситуации с Анелией. Ли-

лиан от отца скрывать ничего не стала, честно предупредив, что государственный секрет. То есть – вслух говорить не надо, а так оно всем давно известно.

– Значит, все же из Уэльстера принцессу брать будем?

– Выбора нет.

– Почему же. Можно Амира попросить, у него с десяток сестер на любой вкус найдется, – хохотнул Август. – Привезет!

– Вот... я хотел попросить. Сами мы поедем по суше...

– Это понятно. Сезон штормов начинается.

– Но если пару кораблей отправить со всяким добром? Не везти же с собой десяток телег? И так караван набирается!

Август прикинул.

Да, караван, иначе и не скажешь.

– Скажете, что погрузить. У меня кораблей в простое нет, но есть те, кто пойдет в Уэльстер.

Джерисон кивнул.

– Спасибо. Там не так много, но на корабле оно проще...

Август был полностью согласен. Или...

– Вирман можно бы попросить?

– Нельзя.

О ситуации с Лейфом Джес рассказывал тоже без утайки – вдруг Август чего полезного посоветует? И не прогадал.

Август подумал минут двадцать, и выдал ценный совет.

– Вирмане уважают и гордость, и умение ее отстаивать. Скажи принцу, что ли, пусть с топором обращаться учится.

Джес вскинул брови.

– Ричард не из хлюпиков.

– Это-то понятно. Но топор – вирманское оружие, как у нас меч. Приемы там другие, ухватки... что я рассказываю? Сам знаешь!

Джес догадывался. Недаром с Эриком тренировался.

– Хорошо, что Джейми поедет с Ричардом.

– Ой ли?

– Найдет, чем на Вирме заняться. Они докторусов сильно уважают, особенно тех, у кого руки не из задницы растут.

– Джеймс хоть и молод, но докторус уже хороший, – Джес вспомнил, как вирмане вытащили их из трюма корабля, как ругался с ними Джейми, требуя пустить его к раненым, как отстаивал свою точку зрения...

Это им с Ричардом на Вирме надо будет зарабатывать уважение и репутацию. А Джеймса Донтера примут у любого очага. И чашу с вином в первый круг поднесут.

– Вот и ладно. Не боишься жену в Уэльстер-то везти?

Август вроде бы и подшучивал. И Джес ответил достойно:

– Ладно я, но Миранду Лиля ни на кого не променяет.

А в глубине души все равно ворочался гадкий ледяной червячок. Кусачий такой, склизкий, противный.

Иррациональный, недостойный мужчины страх. Страх, что у него отнимут супругу. А ведь могут... Гардвейг и не тем еще славился. Бывало. Лев Уэльстера, и этим все сказано. Сколько баб он через спальню пропустил – сказать

страшно. Сможет Лилиан ему отказать? Или даже не пожелает?

Раньше женские сердца не казались Джерисону сложными. Но супруга...

Лилиан Иртон так и оставалась загадкой. Наподобие калейдоскопа, который она сделала.

Повернуть – узор. Еще повернуть – и еще узор. И ни разу он не повторится... поди, пойми, что в следующий раз получится?

– А еще... – Август сосредоточенно размышлял над чем-то серьезным. – У нас принцессы ведь не сговорены? Пока его величество только приглядывается?

Джерисон аж рот открыл.

– Принцесса? На Вирме?!

Ему ничего подобного и в голову не приходило, и прийти не могло. Инерция мышления. А вот у Августа, как у творческого человека, таких преград не было. Он генерировал идеи, иногда самые безумные. А уж обсчитать их, воплотить в металле и дереве...

Это – потом. Но при известном умении и терпении, воплотить можно все.

Вирмане считаются разбойниками?

Так и у истоков большинства благородных родов не святые стояли. И даже мимо не проходили. Скрывай, не скрывай, замазывай, жги бумаги, а истина – она выплывет наружу. И века ей не помеха.

– Думаешь, у вирман там винтом? Или с кисточкой? – Август похабно ухмыльнулся. И тут же посерьезнел. – У вирман правит Круг, но есть самые сильные кланы. К примеру, тот же Хардринг. И если им предложить руку принцессы...

– Но... это невозможно!

– Почему? – искренне не понял Август. – Что в этом такого?

– Ну...

– А за кого девчонкам замуж выходить?

Джерисон завис.

А правда? За кого?

Ивернея?

Ну, одну туда выдать еще можно, если получится. А вторую куда? Авестер? Нет, не вариант. Ханганат? Тоже не подойдет, место занято. Амир не согласится ни на кого, кроме Миранды. Уэльстер? У Гардвейга сыновья еще малы. Эльвана? Дарком?

Весьма сомнительно, что король на это пойдет. Да и кровь разбавлять нужно, не родниться слишком близко. Уже в этом поколении много кто переженился, а что в следующем будет? Храм, если что – против.

Бывали уже случаи, когда в королевских семьях женились на кузинах, или недостаточно разбавляли кровь – и результаты никому не нравились. Безумие, уродство, болезни...

Даже в семьях простонародья Храм сильно следил за такими вещами, а уж в королевских-то династиях? Это муж-

чинам проще, женись, лишь бы на благородной, а женщинам тяжело.

Можно принцессу за дворянина выдать замуж?

Можно, но лучше не надо. Только-только заговор разгребли.

– На Вирме уклад иной. И жизнь другая.

– Ага, двора нет. Велика беда! От Вирмы до Лавери плыть – рукой подать. Будет в гости ездить. И не обидят, и оценят. Уж поверь...

Джерисон задумался.

– Но... за кого?

– А ни за кого пока. Пусть кто из девчонок съездит с его высочеством, к острову приглядится, к ней приглядятся. Вирмане не дураки, намек поймут. А в остальном... уж поверь, на Вирме порядки хоть и другие, а умная головка везде нужна. Да и бабье дело такое – под мужика подлаживаться.

– Но вирмане безбожники!

– Вот уж нет. У них свои боги, а не Альдонай, но у всех свои заблуждения. Не так ли?

Джерисон как-то неопределенно хмыкнул. Августа это не смутило.

– И обязанность наша – нести им искру света истинного, который в душах их загорится рано или поздно. Да и в писании такое есть.

– Да?

Теперь настало время фыркать Августу.

Писание он отлично знал. Именно потому, что в глубине души был отъявленным безбожником. А знание закона спасает от ответственности.

– Святая Аршела была выдана замуж за хангана, и обратила его в свою веру.

– Надо полагать, молитвами и постом, – Джерисон фыркнул в кубок с водой, едва не заплевав полстола.

Август заржал конем.

– А то ж! Отродясь нашего брата бабы молитвами и обращают! Или ты, чадо Альдонаево, в то не веришь?

Джерисон верил. Но кубок предусмотрительно отставил. От греха.

А про идею Августа он королю расскажет. Точно.

Джолиэтт – та потише будет, поспокойнее. А вот Анжелина...

Эта может и за вирманина замуж выйти, и молитвами его убедить. Запросто! Характер у девчушки такой... сразу чувствуется твердость в вере. Ага...

Мужчины переглянулись еще раз, и заржали, словно кони.

Идею Августа, Джес, как и обещал, изложил Эдоарду. Его величество задумался.

С одной стороны – дитяtko. Родное и любимое.

С другой... принцессы изначально знают, что замуж надо выходить для пользы государства. Почему бы и не на Вирму. Невместно принцессе?

А вы знаете, что из себя представляет вирманский клан? Те же Хардринги?

Они добрую половину острова контролируют. И сейчас – просто глава клана, а там, кто знает, и король? Ричард всегда поможет мужу сестрички. Не откажет, точно.

А если не подсуется, может и Гардвейг хвостом вильнуть. У него вообще девок, что яблок, роднись хоть со всеми странами.

Интересная идея.

А даже если и не принцесса...?

Что такое династические браки, его величеству объяснять не надо было. И не совсем династические.

Алисия Уикская, то есть Алисия Иртон с радостью прибыла на вызов его величества. Выслушала идею, подумала пару минут.

– Да, ваше величество. Я знаю девушек, которые не просто могут поехать на Вирму, но и будут счастливы.

– В спутницы принцессы нужны молодые девушки, не старше шестнадцати, девственницы, или не совсем девственницы, всякое в жизни бывает.

– Бесприданницы. Вторые-третьи дочери. Или те, чье имя измазано скандалом, – понимающе кивнула Алисия. – На Вирме об этом не задумываются.

– Да, – согласился Эдоард. – У вирман не принято хранить честь до свадьбы. И если у девушки уже есть ребенок, ее считают более плодovитой, способной принести мужу де-

тей. Я знаю. Но мы не можем им предлагать кого-то подобного, с ребенком.

Алисия кивнула. Потеребила пальчиком нижнюю губу...

– Да, ваше величество. Я могу найти подобных девушек.

– Думаю, четыре фрейлины для принцессы в самый раз.

Это даже не посольство, а просто дружеский визит, так что пышность ни к чему.

– Я подберу четырех девушек.

– И объясните им, что мирный договор не обязательно надо скреплять кровью солдат. Можно и кровью девственниц, – усмехнулся Эдоард.

– Я все сделаю, ваше величество. Можете на меня рассчитывать.

– Я знаю об этом, Алисия. И благодарен вам. Я не часто говорил об этом...

– Ваше величество, разве важно, что человек говорит? Слова – лишь ветер над водой. А наши дела – камни на ее пути. Вы всегда поддерживали меня, всегда помогали, я знала, что вы будете беспристрастны – это дороже любых слов.

Эдоард вздохнул.

– Мне хотелось произнести это вслух, Алисия. Я очень благодарен вам. Когда-то вы выручили трех молодых людей в сложной ситуации, и я не забыл этого. И корона не забудет.

Алисия пожала плечами.

– Не знаю, о чем вы говорите, ваше величество. Но если я оказалась полезна Короне – я счастлива этим.

– Я надеюсь, что вы также будете счастливы с Августом? – наметнул Эдоард.

Алисия прикрылась веером.

– Ваше величество, я могу рассчитывать на ваше разрешение?

– Разумеется. А я могу рассчитывать на место почетного гостя на свадьбе?

– Я буду счастлива, ваше величество. И Лилиан тоже... она уже намекала, что будет рада называть меня матушкой – дважды.

Эдоард кивнул.

– Джерисону повезло с супругой.

– Я надеюсь, – Алисия опустила титул, придавая беседе определенную интимность, – что путешествие поможет им сблизиться, узнать друг друга получше.

Король кивнул.

Да, здесь у Джерисона и Лилиан не было возможности стать ближе друг другу. И – нет, он не о постели. Это другое.

Слишком много обязанностей у Джерисона, слишком много дел у Лилиан. Если пустить все на самотек, так и останутся их дети незнакомцами друг для друга. Любовниками, но не супругами. И чем все это кончится – неизвестно.

Лучше взять дело под свой ненавязчивый контроль и направить отношения в нужное русло.

Джерисон далеко не дурак, да и Лилиан неглупа. За время поездки они либо найдут общий язык, либо установят гра-

ницы, через которые лучше не переступать.

Да, дети растут. Дети уходят в большой мир.

Но разве это значит, что родители меньше о них волнуются?

Вот и Вирма... если кто-то из принцесс уедет туда, Эдоард не станет протестовать. Не помешает их выбору, слишком дорого обошлось ему решение отца.

Союз с Вирмой выгоден и нужен. И лучше бы скрепить его браком, но неволить малявок его величество все равно не станет. Позовет, объяснит, что и как. Пусть сами решают. Иначе Эдоарду стыдно будет жене в глаза посмотреть, когда они за порогом встретятся. Джессимин была счастлива, и он был счастлив. Разве может он желать меньшего для своих детей?

Нет, не может...

Пусть будет Вирма.

С дочерьми его величество решил поговорить в тот же день.

Анжелина и Джолиэтт сидели за игрой, которую привезла Лилиан Иртон, что-то высчитывали, двигали фишки...

Его величество тихонько вздохнул.

Дочки – его копия, как и Ричард. Светловолосые, сероглазые, разве что черты лица – Джессимин. Но хороши.

Придворные кавалеры стойку делают за десять шагов, но пока держатся от дочек подальше. Понимают, что король не

помилует.

Дочерей Эдоард любил. А вот куда их замуж выдавать...

Анжелине будет сложнее. Она боле яркая, более взрывная, порывистая, Джолиэтт – поспокойнее будет.

Да, главный вопрос – за кого выдать замуж дочь.

Ивернея?

Авестерцы обижены, Ханганат не подходит, с Эльваной роднились при отце Эдоарда, а с Даркомом – при дедушке. Нельзя так часто жениться, надо кровь разбавлять. Альдон не одобрит.

Не раньше третьего поколения, а лучше – четвертого.

В Ивернею можно выдать замуж только одну дочь. Но ни Анжелина, ни Джолиэтт к его высочеству Мигелю интереса не проявили. Никакого.

Не понравился.

И что остается?

Как ни странно, Вирма была не худшим выходом из ситуации.

Во-первых, рядом. Брат всегда помочь сможет.

Во-вторых, кто бы у девочек не родился, хоть бы и шестеро парней, на трон они претендовать не смогут. В глазах знати вирмане... не второго сорта, какой там второй сорт с такими топорами, но недостаточно благородны для короны. И воспитание не то.

Править их дети не смогут, никаких потрясений не будет. И это важно.

В-третьих...

Неволишь дочерей Эдоард не хотел. Не та сейчас ситуация, чтобы союз заключать вопреки чувствам. Его, вот, приневолили, потом едва расхлебали. Пусть малышки попробуют найти свое счастье. С вирманами?

Да хоть бы с кем!

Слабые и глупые на Вирме не выживают, естественный отбор.

Это Эдоард и изложил дочкам. Без скидок на возраст и романтические мотивы.

Девчонки переглянулись. Подумали пару минут – и слово взяла Анжелина.

– Наверное, поеду я. Я старше.

Эдоард улыбнулся.

Они с Джессимин и не ждали дочерей. Тем сильнее оказалась нечаянная радость, когда в таком возрасте ее величество забеременела. А через год и еще раз...

– Как хочешь.

– Мне интересно, – призналась Анжелина. – В мире столько всего, а я и не видела ничего, и не знаю, живу во дворце...

Эдоард вздохнул.

Да, судьба короля именно такая. Дворец, клетка из золота, ошейник и цепи долга... своей властью он может его ослабить. Хотя бы для девочек.

– Обещай слушаться Ричарда.

– Обещаю, – ни минуты не колебалась Анжелина. – Джо-

ли, а ты как?

– Я лучше останусь дома. Пока вы там, кто-то должен быть и рядом с папой, – приняла решение младшая. – Это надолго?

– До конца осенних штормов. Потом домой.

– Месяца два, не меньше, – прикинула принцесса. Пап, а когда мы отплывать будем?

– Дней через пять-шесть...

– Я же ничего не успею! Ни собраться, ни платья уложить! Папа!!!

– Анжелина!

Сказано было увесисто. Анжелина вздохнула и замолчала. Платья?

Ладно, чай не в дикую пустыню едет, найдет, что надеть. Но если отец передумает...

– Я успею. Джолиэтт, поможешь?

– Конечно, сестренка.

Эдоард довольно кивнул. Принцессу уговорили, теперь надо подобрать ей правильных спутниц. Но в Алисию он верил свято. Эта – справится, пары часов не пройдет, а он уже получит список кандидатур.

Было бы время, можно бы выбрать и что получше, и попригляднее. Но времени нет.

И так – всегда.

Сначала события тянутся и тянутся, словно сосновая смола, а потом летят вскачь, и тут уж хватайся за что хочешь,

лишь бы не сорваться под конские копыта. Не то растопчут.

С другой стороны – посольство все равно готовится, а корабли всегда готовы к выходу в море. Чуть больше людей, чуть меньше...

Справимся.

Алисия не подвела, и спустя два часа перед его величеством на стол лег список с пометками напротив каждой фамилии. Эдоард подумал еще немного, и вычеркнул все имена, кроме четырех. Самых удачных.

Тех, кто точно не откажется от мужа, дома, самостоятельности.

Вопрос с приданным для девушек решился быстро, его выделяла Корона. Да и самих девушек Алисия подобрала с полным пониманием момента и ситуации. Ни одна из выбранных Эдоардом не отказалась. Соглашались с радостью.

Так попали в число фрейлин принцессы очаровательная смуглянка Лора Винст, побочная дочь герцога Винстона, которая хоть и была признана отцом, но...

Вы же понимаете? Рыбка-то второй свежести. В любовницы сойдет, а в законные жены – никак нельзя. Вдруг она в мать пошла? Такая же, блудливая?

Девушку эти предположения оскорбляли, и она стояла за свою честь, как дикая кошка – насмерть. Ехать на Вирму она согласилась достаточно быстро. Вирмане с легкой руки графини Иртон были очень популярны, а хозяйка дома – она

что здесь, что там. Слугами распорядись, за хозяйством при-
смотри, а поддержка его величества – она дорогого стоит.
Все лучше, чем в любовницы.

Попала в их число Эшли Лорин, шестая дочь барона Ло-
рина, кареглазая смешливая толстушка. При полном отсут-
ствии приданого сильно жизни не нарадуешься, а все же...
жива ведь! Уже хорошо! А что Вирма – не беда. Дома, чай,
не богаче.

И светловолосая, похожая на вирманку Алия Рейнст, со
своей печальной историей. Банальной донельзя, ибо не сто-
ит поддаваться на уговоры смазливых красавчиков с хорошо
подвешенным языком. Ясно же, что раз язык подвешен, то
и болтаться будет. Алию-то красавчик соблазнил, а женился
на другой, там договор, там помолвка с детства, там общие
интересы, дело нужное. И молчать не стал.

Так что стала девушка посмешищем, а вдова Рейнст, ее
мать, бросилась в ноги королю, умоляя о защите. Его вели-
чество подумал – и решил отослать красавчика от двора, а
девушку выдать замуж. Но случай, вот, не подворачивался.
А что, семья хорошая, старая, баронская.

Так оказалась спутницей ее высочества и рыженькая ве-
селая Джин Эррой. Замечательная девушка, но со своей бе-
дой – воспитывал ее отец, а будучи в пьяном угаре... что он
там мог воспитать?

Джин отлично дралась, ругалась, пила вино, прекрасно
обращалась с лошадьми и собаками... хорошие манеры?

Эммм... да, я знаю такие слова. И другие слова тоже.

Как они выглядят? Их на бумаге пишут?

Ах, манеры, а не слова? А вот тут – извините.

Придворная жизнь хоть и пообтесала девушку, но все же, бить кавалера кулаком в печень за невинный флирт... нет, таким самое место на Вирме.

Анжелина, узнав о своих «фрейлинах» только плечами пожала. Какое место, такие и девушки. Справится, она же принцесса.

Эдоард искренне растрогался – и увеличил красавицам сумму на обзаведение. Пусть хоть платья себе пошьют, сейчас придворных портных озадачим, за пару дней каждой гардероб спроворят.

Анжелина покачала головой и предложила выдать тканью – мало ли? На Вирме мода другая, говорят...

На том и порешили. Довольны были все

Анжелина, которой хотелось посмотреть Вирму, девушки, у которых в жизни появилась перспектива, вирмане...

Вирмане еще не знали о своем счастье, но они тоже будут довольны. В этом никто и не сомневался.

Уэльстер, Кардин.

– ТЫ...!!! Тварь такая!!! Я тебе доверился!!! Убить тебя мало!!!

Альтрес Лорт принимал все вопли со смирением и покорностью, которые оценил бы даже Альдонай, если б лично со-

изволил полюбоваться.

Ну просто картинка.

Стоит, на коленях, босоногий, распоясанный, в одной рубахе и штанах, с ремнем на шее, как свидетельство королевской власти, а Гардвейг орет так, что стены трясутся.

Лорт не оправдывался. Мало ли... братец – натура увлекающаяся, а у него покамест все зубы целы и все ему близки и дороги.

Гардвейгу надоело минут через двадцать.

– Вон с глаз моих! В поместье! И чтоб не возвращался, пока не разрешу!!!

Лорт поклонился, и поднялся с колен. Едва удержался, чтобы не потерять их.

Больно...

Эх, нет в тебе, Харни, благочестия, нет, и не будет. Патеры с пастерами стоят и стоят, говорят, у них даже мозоли есть, а ты не привык...

До своих покоев во дворце Харни дошел честь по чести, иконой воплощенного страдания, а как только за ним закрылась дверь, тут же преобразился.

Полетел в угол надоевший и здорово натерший шею ремень, Лорт достал из шкафа сапоги, и принялся обуваться. Вот так, теперь камзол – и можно в потайной ход.

Его величество уже ждал брата.

Не один, нет. Сидела на скамеечке у ног его величества Милия, сидел на стуле граф Эрон Дишан. Лорт улыбнулся.

– Я уж испугался, что вы меня мечом саданете, ваше величество...

– А, так ты поэтому задержался? – проворчал Гардвейг. – Штаны менял?

– Не могу же я оскорбить ваш царственный нос свидетельством своей трусости, – нахально отозвался шут. Сейчас – именно шут, а не начальник тайной службы.

Гардвейг фыркнул.

– Стоило б. Не уберег девку... ладно! Дела ты графу передал?

– Да, ваше величество.

– Граф, вы во все вникли?

Граф, в свою очередь, поднялся со стула и с достоинством поклонился.

– Ваше величество, я искренне надеюсь не подвести вас. И его сиятельство – тоже.

Гардвейг кивнул.

– Хорошо же. Год, граф. У вас есть год. Справитесь – маркизом сделаю. Или... подумаем, чем вас наградить.

– Ваше благоволение для меня высшая награда, ваше величество.

– Но кушать тоже хочется, – хмыкнул Гардвейг. – Вы меня поняли, граф. Милли, дорогая, займи покамест графа, а мы вернемся к вам через пять минут.

Его величество поднялся с кресла. Посмотрел на Лорта и кивнул в сторону спальни.

Заговорил шут только там.

– Будь осторожнее, Гард.

– Что не так?

– Не знаю... наверное, это просто старость.

– Рано тебе пока стареть, сначала детей наделай.

Альтрес поморщился.

– Вот еще баб мне не хватало.

– Считай, что это мой королевский приказ. За год найти себе жену.

Альтрес промолчал. Но рожу скорчил...

Гардвейг покачал головой.

– Харни, я могу доверять только тебе. И хочу, чтобы мои дети доверяли твоим. Это не приказ, это просьба брата...

Альтрес потупился.

– Гард, ты сам знаешь...

– Знаю. И вот забыть ту идиотку я тебе приказываю. Понял?

Альтрес вздохнул.

Легко быть Львом Уэльстера. А его Шакалом? А ведь и так называли, и похуже... не вслух, но какая разница? Все равно он все эти шепотки слышит, знает... иным шептунам и шеи сворачивал. И все же, брат в чем-то прав.

– Обещаю.

Гардвейг повеселел, и хлопнул брата по плечу.

– Ну, тогда развейся. Считай, у тебя отдых. Сколько ты уже не отдыхал?

– Давно... У меня на душе тяжело, Гард. Старею, наверное.

– Переработал ты, вот и все.

– Да, скорее всего...

– Тем более надо отдыхать. Отдохни, Харни, а через год вернешься.

Гардвейг крепко обнял брата.

Этой ночью Альтрес Лорт уедет из Кардина. Уедет в свое поместье, в замок Лорт, и попробует пожить там тихой сельской жизнью провинциального дворянина. Наносить и принимать визиты, заигрывать с симпатичными дамами, ходить в храм.

Видеть злорадствующие взгляды от мужчин и пренебрежительные (горбун!) от дам, а что до храма... Альтрес отропясь на исповеди не был. И не собирался. Разве что местного патера вербануть? Пусть работает и пользу приносит?

Это уже звучало интереснее.

И все же, все же...

Альтрес готов был ухо себе отрезать за возможность остаться. Нельзя, он понимал, политика, будь она неладна, а ошибок политики не прощают. Он же очень сильно погорел.

Ладно.

Он уедет. Но он еще вернется.

Поздно ночью женщина с золотыми глазами почувствовала прикосновение горячих губ к руке. И открыла глаза.

– Это вы?

Мужчина кивнул.

Быстро разделся и скользнул под одеяло.

Тепло, хорошо...

Дама негодуяще фыркнула, но ругаться не стала.

– Вы весь холодный....

– Я готов даже простыть ради такого!

– Такого?

– Горбун уехал!

Женщина затрепетала от восторга. И – нет. Мужчина рядом тут был вовсе не при чем. Лучшим афродизиаком было предчувствие мести.

– Точно?

– Я сам видел, как он вышел из дома, сел на лошадь и поехал. И убедился еще раз – на воротах. Он уехал.

– Уехал...

– Да, моя королева. Наша дорога свободна!

– Вы пошлете за ним отряд, мой герцог?

– Разумеется. С ним всего четыре человека сопровождения, обычные солдаты, а я пошлю опытных убийц. Они справятся, никуда эта горбатая тварь не доедет.

Женщина улыбнулась, отвечая на страстные поцелуи. И глаза ее горели нескрываемой страстью. Но если бы кто-то заглянул глубже, в душу...

Ее истинным желанием была не мужская любовь.

Мечь – и власть.

И сегодня ночью она еще на шаг приблизилась к своей мечте.

– АПЧХИ!

Аж одеяло подпрыгнуло, вместе с дамой.

Мужчина смущенно покачал головой.

– Кажется, я все-таки заболел.

– Ничего страшного, любовь моя. У вас еще будет время выздороветь. До того, как грянет буря.

– Да. Подождем посольства.

– Подождем. Но – потом. А сейчас я не хочу ждать. Идите ко мне! Умоляю!

Дважды просить было не надо.

За окном бушевала гроза. Альтрес Лорт удалялся от Кардина. А в одном скромном, неприметном домике, на окраине столицы, словно нарыв, рос заговор против Короны. И скоро, уже очень скоро он прорвется!

Поздно ночью мужчина проснулся.

Гроза стихла.

Он поглядел на мирно спящую рядом любовницу, поцеловал обнаженное плечико, и вышел из комнаты. Прогулялся до кабинета.

В темноте мягко светилось окно, блистали где-то далеко молнии, чуть проблескивала позолота на книгах...

Темнота окутывала, словно живое существо, укрывала плечи и шептала. Шептала голосами, которых мужчина давно уже не слышал.

И мягко снимала маски с его лица. Одну за другой, пока не осталось только настоящее. То, что никогда не показывают людям, то, что прячут в глубине души. Сгорбились плечи, на губы наползла то ли улыбка, то ли оскал, красивое лицо исказилось, глаза вспыхнули злобой и ненавистью.

Что ж, Гардвейг, вот и приходит твой срок.

Из чего складывается заговор?

Три основных компонента – ненависть, деньги и возможности.

Ненависть... герцог ненавидел уже давно. Еще с того момента, как Гардвейг женился второй раз. Точнее – казнил свою жену. Мать Анелии, Камиллу.

Королю не отказывают. Не отказал ему и отец Камиллы, как не просили его влюбленные. Мечтали убежать, хотели... да много чего хотели. Но сегодняшний герцог тогда был только вторым сыном, наследником денег и титула был его старший брат, и возможностей у него было мало. Очень мало.

Он проиграл схватку за любимую женщину. А вскоре...

Камилла любила его, а не Гардвейга. Его.

Кто донес? Кто подстерег?

Хотя мужчина и так знал один из ответов. Альтрес Лорт.

Именно этот подлый горбун выследил Камиллу. А вот любовника узнать не удалось. Ему пришлось удирать в спешке, Камиллу застали на разобранной кровати, в непристойном виде, она клялась, что никогда, и ни с кем... Гардвейг не по-

верил. Особенно после того, как нашел кинжал с фамильным гербом. А под пыткой любимая назвала имя. Но не любимого человека, нет. Робера она не выдала даже под пытками.

Имя его старшего брата.

Тот был казнен, весь род попал в опалу, но какое это имело значение для несчастного влюбленного? Да никакого!

Камиллы нет.

Мир – мертв.

А потом, буквально за пару лет спился и сгорел от тоски его отец. И мужчина вдруг понял – он герцог! Полновластный! И все в его руках!

А все – это и месть. Страшная, кровавая. За Камиллу.

Так родилась ненависть.

Что интересно, позаботиться об Анелии герцогу и в голову не пришло. Это ведь не его дочь, а Гардвейга, пусть он и думает. Вот о сестрах Камиллы он честно позаботился, приданое дал, замуж выдал.

Деньги были. И были возможности.

Он – герцог, это земли, связи, это вассалы...

И тут Гардвейг сделал второй подарок герцогу. Он выгнал свою третью жену, мать своих четырех дочерей.

Задумка была простой. Королева едет в монастырь, а потом умирает от горя. Это по идее Альтреса Лорта.

Герцог перехватил караван на полпути. Деньги творят чудеса, и вместо королевы в монастырь отправилась очень похожая на нее женщина. Не просто так, конечно. За большие

деньги, которые позволили ее семье жить безбедно и по сей день. Цена крови, цена жизни.

А разведенная королева отправилась с Робером в его герцогство. Благодарная за спасение, но так же жаждущая мести.

Оскорбленная женщина, страдающий мужчина – кто сказал, что они не найдут общего языка? Они нашли его во всех смыслах, в том числе и в постели. Так было нужно.

А потом медленно, уверенно, почти десять лет они готовили заговор. Приглядывались, прощупывали почву...

Заговор – это ведь не просто выйти на площадь и закричать: «Люди, долой короля!». Это серьезная подготовка, это войско, это оружие, это поддержка во дворце. Много всего. А провалиться можно на любой стадии.

По счастью, Гардвейг помог им.

Чтобы волк мог напасть на стадо, надо убрать собак. Это Лорта подкупить было нельзя, а вот к Дишану герцог давно присматривался, знал, чем его за горло взять. У Лорта слабостей нет, а у Дишана и жена есть, и дети, на него можно надавить.

Оружие в Кардин давно доставлено, наемники прибудут, толпу поднять несложно.

Остается самое важное.

Король и его семья. И этот вопрос герцог с удовольствием возьмет на себя. Сам не побрезгует руки запачкать. Только надо дожидаться подходящего прикрытия.

Его репутация должна быть безупречна, ему еще править предстоит. Нужен кто-то, на кого можно будет свалить убийство короля.

Когда там прибудет посольство Ативерны? К этому времени все должно быть готово. Благо, историю Джерисона Иртона знала и Ативерна, и Уэльстер. Граф пробыл здесь достаточно долго, налюбовались. Самая подходящая кандидатура, чтобы на него все свалить, захочешь лучше выдумать, так не получится.

Герцог достал из стола миниатюру, провел пальцами по тонкому, бесконечно дорогому лицу. Аристократические черты лица, каштановые волосы, карие глаза, нежная, словно спросонья, улыбка.

Ушла. Навсегда утеряна, навеки...

Этот портрет всегда лежал здесь, в потайном ящике стола. И никто о нем не знал. Никто и не узнает.

Милая моя.

Камилла, Милли, милая...

Прости. Не уберег. Но – отомщу. Клянусь, я отомщу.

Ативерна.

Что такое посольство?

Сейчас Лиля знала ответ.

Крестец, песец и огурец. Все в одном флаконе, взболтать, хлебать залпом – и даже не надейтесь, что отвертитесь. Все равно нахлебаться сей смеси вам придется по полной.

В посольство входят лично глава посольства, Джерисон, граф Иртон. К нему прилагаются карета, три телеги, несколько лошадей, слуги, двое, конюхи — четверо, охрана — десять человек, из них всего — всего! — шестеро вирман. Неслыханная уступка. Вирман кое-как удалось отговорить ехать или плыть в Уэльстер всей армадой, на Вирме Эрик будет нужнее, да и Лейфу тоже его люди не помешают, но шесть человек — это минимум, без которого вирмане свою графиню отпускать никуда не собирались. Не нравится?

Ваши трудности!

И словно этого было мало, Эрик намекал на какого-то родственника из клана Хардринг, и даже дал Лиле письмо к нему.

Что такое письмо вирман?

Это вам не пошлая бумажка, нет! Это здоровущая блямба, с одной стороны которой залито мягкое олово, а с другой печать клана. На олове и царапаются иногда простым ножом несколько рун.

Так сказать — на предъявителя.

Казалось бы, бери и пользуйся? Сейчас стащить у Лилиан этот кругляш, и пользоваться в свое удовольствие?

Ага, были умники.

Потом вирмане нашли их и содрали шкуру. Заживо. Дикие люди, что с них взять, никакой гуманности!

Так что умников, которые решались на такой финт, давно уж на свет не рождалось.

Лиля ехала на Лидархе, Джерисон на своем черном монстре, безумно счастливая Миранда – то с отцом, то с матерью, постоянно намекая на собственного аварца. И ехать она моогла бы одна, сама по себе, она взрослая... ни Джес, ни Лиля на эти заявления не реагировали и гуманности не проявляли. Потерпит. Рано еще! Вот, будет лет двенадцать – хотя бы, тогда поговорим.

Собаки то бежали своим ходом, то ехали на телеге. И это только Джерисон.

Еще в посольство входили граф Ройвель с супругой, граф Элонт, также с супругой и человек десять – молодежи. Вторые-третьи сыновья, дочери, и все при каретах, конях, телегах... такого каравана небось и Моисей по пустыне не водил!

Посольство – это ж не просто так. Это еще и повод для знакомства.

Как вообще формируется посольство? По какому принципу?

Если говорить просто о послах, то выбирают самого изворотливого и покладливого на пакости. Пусть соседям вредит, если иначе жить не сможет. Приедет, на шпионит...

Это постоянное посольство, которое каждый приличный король послать к соседу обязан. В Лавери есть посольство Уэльстера, в Кардине – посольство Ативерны. Это одно.

А вот такое...

Это не ради сватовства. Это забрать невесту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.